

СБОРНИК

КОВЧЕГ ЛИТ.

ТОМ 2

Сборник
Андрей Валерьевич Геласимов
Ковчег Лит. Том 2
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49200603

*Ковчег Лит. Том 2:
ISBN 978-5-907085-47-3*

Аннотация

В сборник «Ковчег Лит» вошли произведения выпускников, студентов и сотрудников Литературного института имени А. М. Горького.

Опыт и мастерство за одной партией с талантливой молодостью. Размеренное, классическое повествование сменяется неожиданными оборотами и рваным синтаксисом. Такой разный язык, но такой один. Наш, русский, живой.

Журнал заполнен, группа набрана, список составлен. И не столь важно, на каком ты курсе, главное, что курс – верный.

Содержание

Виктория Лебедева	5
Самый лучший подарок	5
Третий глаз	19
Оксана Лисковая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Ковчег Лит

Том 2

© В. Лебедева, О. Лисковая, Е. Мамонтов, И. Оснач, Е. Первушкина, Н. Рыжова, А. Скляр, С. Суркова, М.-Р. Саар, Д. Чант, Э. Царионов, Д. Шахназаров, А. Шебеко, В. Шлыкова, 2020

© ИД «Городец», 2020

Виктория Лебедева
Семинар Владимира
Цыбина, выпуск 2002 года

Самый лучший подарок

Один мужчина (звали его Николай Николаевич, но имя это в русской литературе занято, потому пусть он будет, к примеру, Игорем Ивановичем) очень любил жену. Сам по себе факт этой любви довольно любопытен, потому что с женой Игорь Иванович прожил беспорочно уже двадцать три года, четыре месяца и семнадцать дней, сами считайте. Еще любопытнее, пожалуй, тот факт, что и жена все двадцать три года, четыре месяца и семнадцать дней отвечала ему взаимностью – за вычетом, может быть, тех редких моментов, когда Игорь Иванович выпивал с коллегами отечественного вина и делался невнимателен, отчего непременно терял что-нибудь ценное: кепку или шарфик, часы или телефон, или кошелек с запертой внутри банковской карточкой, или перчатку (неприменно одну, вот обида), или очки, или галстук, или пуговицу от пальто (с мясом и, разумеется, на самом видном месте, там, где у мужчин возраста Игоря Ивановича высшая точка пивного живота, а у самого Игоря Ивановича живота

почти не было), или единый проездной билет на месяц вперед, или ручку, или зонтик, или сумку, или книжку, взятую с собой в метро скуки ради, – и всегда немножечко совесть, потому что в праздники Игорь Иванович возвращался среди ночи, утративший дар членораздельной речи и все наличные средства, иногда немножечко побитый на улице неизвестно кем, – и наутро ужасно маялся печенью. Но сколько выходило таких дней? Новый год да Восьмое марта, плюс День армии (где Игорь Иванович, к слову сказать, не служил), да дней рождения пять-шесть на небольшой коллектив – вот и получается, что за всю совместную жизнь жена не любила Игоря Ивановича никак не больше десяти дней в году, да и то часа по четыре в сутки, когда безуспешно набирала ему, пьяному и бравому, и уговаривала вернуться домой, пока ноги нормально идут. А это в сумме так мало, согласитесь, что можно не считать.

Итак, один мужчина, звали его Игорь Иванович, очень любил жену. И жена его очень любила. Потому оба хотели, чтобы у любимых людей в жизни было все только самое лучшее – качественное, добротное и функциональное. Жена Игоря Ивановича, как все практичные женщины, точно знала, что три этих свойства чаще всего никак не связаны с суммой, которую продавцы назначают за свой товар. А Игорь Иванович, как все практичные мужчины, больше ориентировался на цену. Ему казалось, во-первых, что покупать любимой женщине дешевое неловко, во-вторых, что хорошее мало стоит не

может. И все бы ничего, вполне себе современный подход, да вот беда – служил Игорь Иванович в скромном страховом офисе, а жена и вовсе работала воспитательницей в детском саду; ну никак не выходило выкроить из семейного бюджета такие суммы, которых бы хватило на достойный подарок. Уже и сыновья выросли, в институты пошли, стали стипендии получать и по вечерам сами подрабатывать «на карман», а все равно не получалось, хоть ты что хочешь!

Конечно, брали и кредиты – куда без них по нынешней-то жизни. Когда холодильник потек, брали, и когда ремонт делали. И когда детскую мебель на взрослую меняли, тоже пришлось. И когда балкон стеклили. Но как-то это было без фанатизма, только на самое-самое необходимое. Потому что больше всего на свете жена Игоря Ивановича боялась влезть в долги. Игорь-то Иванович был бы и не против, и много раз пытался объяснить своей упрямой половине, что кредит – это не совсем долг, а она ни в какую! И на «баловство» у банка брать ни за что не позволяла. Он, бывало, увидит модную техническую новинку и возжелает, и глаз горит, а тут жена с калькулятором, с блокнотиком – сядет и объяснит на пальцах, сколько выйдет переплаты да мороки с бумажками. Так и не купят ничего, только облизнутся. В такие дни Игорь Иванович, честно сказать, был не совсем уверен, что любит жену. Но это у него быстро проходило. Поэтому тоже не считается.

Так и жили. Дружно жили (почти всегда). И пусть не ши-

ковали, но и не бедствовали.

Долго ли, коротко, но стало жене Игоря Ивановича пятьдесят лет. Юбилей.

Наутро жена в парикмахерскую ушла – укладку делать, брови щипать да маникюр наводит по случаю праздника, – дети по друзьям разбежались до самого вечера, а Игорь Иванович сел перед телевизором и крепко задумался: что бы такое подарить на круглую дату? У него, конечно, серьги были заранее приготовлены, серебряные с изумрудиками, скромненькие и со вкусом, и билеты в драмтеатр на премьеру, на послезавтра, но это разве подарки к юбилею? Хотелось Игорю Ивановичу в этот день для жены чего-нибудь эдакого, особенного.

Проводив ее в парикмахерскую, Игорь Иванович взялся было готовить праздничный обед и уже начал делать салат, но мысль о настоящем подарке не отпускала. Вот и сел к телевизору развеяться немного, да не помогло. Сидел Игорь Иванович, думал, а ничегошеньки придумать не мог. И телевизор, к слову сказать, даже не слышал, хоть в новостях про нашу хоккейную сборную рассказывали, как она опять всех победила, – и вдруг в дверь позвонили. Игорь Иванович подумал сначала, что это жена с маникюра вернулась, не хочет ключи в сумочке выкапывать, и поднялся с дивана, – но в дверь снова позвонили, настойчивее прежнего, эдак с оттягом, и он сразу понял – нет, не жена. Точно нет.

Игорь Иванович вышел в коридор и глянул в глазок.

За дверью наблюдалось молодое лицо, улыбающееся от уха до уха, – и эта улыбка еще усугублялась видом через глазок, как будто из нее одной состояла коротко остриженная и гладко причесанная голова пришельца.

– Вам кого? – спросил осторожный Игорь Иванович.

– Наша фирма проводит сегодня рекламную акцию! – рапортовала улыбающаяся голова бодро.

Услышав эти слова, Игорь Иванович уже собрался вернуться в комнату, но из-за двери прибавили доверительно: «Я от Валерия Андреевича. Знаете такого?» (На самом деле голова сказала, что она от Михал Иваныча, но и это имя уже занято, на сей раз не литературой, а советским кинематографом, так что пусть будет Валерий Андреевич, не все ли равно.)

Валерия Андреевича Игорь Иванович, конечно, знал. Еще как. Валерий Андреевич был не кто иной, как его непосредственный начальник. И начальник, надо сказать, довольно крутого нрава. Что не по нем, сразу кидался приказ об увольнении строчить. Потому Игорь Иванович, делать нечего, на всякий случай открыл дверь и выглянул в сумеречный панельный коридор.

Практически из-под улыбки выпирала яркая картонная коробка, определенно тяжелая, потому что улыбка уже сделалась, помимо воли ее владельца, несколько напряженной.

– Так что у вас? – спросил Игорь Иванович сухо.

– Рекламная акция! – бодро рапортовал пришелец сно-

ва. – Только сегодня! Мы бесплатно почистим ваш ковер нашим чудо-пылесосом!

– У нас нет ковров! – отозвался Игорь Иванович еще суше и уже хотел откланяться, но не тут-то было – пришелец перехватил коробку поудобнее и как бы случайно выставил вперед ногу в начищенном до блеска остроносом башмаке, препятствуя ходу металлической двери.

– А диван? У вас есть диван? – спросил пришелец заискивающе.

– Нет, – по инерции отрекся Игорь Иванович.

– Нет?!

– Нет!

Молодой человек и Игорь Иванович прямо посмотрели друг другу в глаза и все друг про друга немедленно поняли. – Ну хоть коврик у входной двери я могу почистить? – взмолился молодой человек. – А то мне отчитываться сегодня, а все как сговорились... Не заплатят же!

– Не до вас! – ответил Игорь Иванович строго. – У жены сегодня юбилей.

– Вот! – воодушевился молодой человек.

Он опять перехватил коробку и немножко вдвинулся в дверной проем, так что Игорю Ивановичу пришлось подать назад.

– Что «вот»?! – попытался рассердиться Игорь Иванович.

– Юбилей! Жена придет... а она, кстати, где?... дома?... нету?... прекрасно!.. жена придет, а у вас ковер почищен, то

есть диван! Разве же это плохо?

– Молодой человек, вы меня слышите вообще?!

– Конечно! Представители нашей фирмы всегда самым внимательным образом готовы выслушать своих клиентов! – Но я не ваш клиент!

– Нет? Валерий Андреевич рекомендовал вас с самой лучшей стороны! Мы на прошлой неделе провели показательную чистку у него в гостиной, и супруга Валерия Андреевича осталась очень довольна результатом... – на этих словах визитер снова переступил и окончательно вдвинулся в коридор, еще потеснив Игоря Ивановича. – Ради бога, можно я это здесь поставлю? Вы себе не представляете даже, сколько это весит!

Коробка твердо встала на пол, под ноги Игорю Ивановичу. Тот проводил ее обреченным взглядом и махнул рукой: «Шут с вами, проводите вашу чистку!» Если против Валерия Андреевича он еще знал какие-то меры, то против супруги его (которую в жизни звали Ольга Яновна, но это тоже из советского кинематографа, так что у нас она будет Юлией Борисовной) – увы и ах. Юлия Борисовна числилась главным бухгалтером в конторе Игоря Ивановича. Дальше можно не рассказывать.

Добрых полтора часа в большой комнате ухал и гудел басом удивительный пылесос, перебиваемый бойкой рекламной скороговоркой пришельца, и вскоре продавленный рас-

кладной диванчик сделался точно как новенький. Исчезло замытое кофейное пятно в том месте, где пару лет назад Игорь Иванович неосторожно опрокинул полную чашку, исчез жирный след котлеты, которую уронил старший сын, большой любитель поесть перед экраном, и даже сам цвет диванчика стал как будто другим – свеженьким и ярким, точно с него сняли верхнюю кожуцу.

Игорь Иванович нервно взглянул на часы – жена должна была вот-вот вернуться из парикмахерской.

– Ну как? – бодро поинтересовался рекламный молодой человек. – Впечатляет?

Он опять растянулся в улыбке, и она заняла все лицо. «И как он это делает?» – про себя удивился Игорь Иванович и торопливо кивнул – мол, да, впечатляет.

Игорь Иванович и пришелец снова уставились друг на друга, и на сей раз понимания не было в помине.

– Ну? – уточнил пришелец.

– Ну? – переспросил хозяин.

– Что будем решать? – осторожно намекнул пришелец.

– Надо где-то расписаться? – не понял хозяин. – Извините, я тороплюсь...

Тут молодой человек отбросил политес и прямо спросил, собирается ли Игорь Иванович покупать чудо-пылесос или так и будет прикидываться, будто ничего не понимает в правилах современной торговли. Диванчик сиял. Пылесос стоял в полной боевой готовности и тускло, благородно поблески-

вал боком цвета «металлик». Он был похож на гигантского навозного жука. «Вот бы Леночке, в самом деле, такой...» – подумал Игорь Иванович. (Жену Игоря Ивановича действительно звали Еленой, но уж это такое имя, которое со времен Гомера не использовал только ленивый, да к тому же приведено без отчества, так что и менять его на другое не имеет смысла.)

– Сколько? – спросил он на всякий случай. Такой агрегат был определенно не по карману. Определенно! Но за спрос денег не берут.

– Всего сто двадцать тысяч рублей! – рекламный молодой человек особо выделил интонацией начальное «всего», но, видя сокрушительный эффект, который произвела на Игоря Ивановича названная сумма, тут же добавил, не сбавляя темпа: – Но в дни рождения наших клиентов фирма предоставляет пятнадцатипроцентную скидку каждому, кто предъявит соответствующий документ! Итого наш замечательный пылесос сегодня обойдется вам в смешную сумму... (тут прищелец сделал многозначительную паузу и весело поиграл бровями) сто две тысячи! И ни копейкой больше!

Игорь Иванович и рекламный молодой человек опять смотрели друг на друга в упор. И во взгляде первого вполне отчетливо читалось обреченное «денег нет», а во взгляде второго брезжило обнадеживающее «возможны варианты»...

Спустя два часа Елена (отчество, как договорились, мы тут не указываем) вернулась из парикмахерского салона. Ей очень удачно покрасили брови и сделали укладку, подпилили ногти и покрыли ненавязчивым розовым перламутром – так что она чувствовала себя почти прекрасной. Мужа дома она не застала.

Овощи, отваренные для праздничного оливье, так и остались на плите в кастрюльке, неочищенные – за вычетом одной картофелины. На разделочной доске горкой лежала заветренная докторская колбаса, накромсанная неровными кубиками. В глубокой салатнице на доньшке слезоточил наспех нарубленный репчатый лук. В кухне наблюдалась умеренная разруха, как всегда, когда долго и счастливо женатые мужчины пытаются готовить самостоятельно. Елена-почти-прекрасная немножечко подобрала, немножечко протерла – и стала звонить мужу.

В трубке сначала слышались долгие безответные гудки, а потом взволнованный Игорь Иванович сообщил с места в карьер: «Леночка! Я сегодня совершил нечто героическое!» Леночка, зная мужа, немедленно и очень сильно насторожилась.

– Я люблю тебя! – сказал Игорь Иванович.

– Что ты натворил? – уточнила Елена-почти-прекрасная.

Ей начало казаться, что муж пьян, хотя голос не вело, как это бывало обычно. Но волнение в нем было очень, очень подозрительное.

– Что ты натворил? – строго спросила она еще раз, и внутри у нее все сжалось в комочек, помимо воли.

– Натворил?! Бог с тобой, Леночка! Я ничего не натворил! Я хотел сделать тебе подарок!

– Подарок?! – у Елены-почти-прекрасной на этом слове началась отчетливая аритмия. – Какой подарок?.. – Представляешь, Леночка! Я... сегодня... кредит! – Игорь Иванович говорил сквозь смех, потому проглатывал некоторые слова.

– Какой еще кредит? Где ты?! – еще сильнее заволновалась виновница торжества и стала свободной рукой шарить в ящичке с лекарствами, отыскивая на ощупь корвалол в таблетках.

– На сто тысяч! Вернее, на сто две! – сообщил счастливый Игорь Иванович.

Леночка на всякий случай села. Корвалол наконец нашелся. Он как будто сам впрыгнул в руку.

– Что? – спросила она хрипло.

Игорь Иванович стал сбивчиво рассказывать своей почти прекрасной Елене про рекламного молодого человека с чудо-пылесосом и про то, как поехали в офис оформлять документы. Игорь Иванович пребывал в великолепном настроении и немножечко как бы подшучивал над собой и сам этим шуткам смеялся, не замечая напряженного молчания на другой стороне трубки.

– Ты представляешь, Леночка! – радовался Игорь Ивано-

вич. – Тут на выбор сразу три банка. У одних восемнадцать процентов годовых, но с комиссией, у других двадцать, но без комиссии, а у третьих девятнадцать, но зато самый большой первый взнос. Уж я между ними бегал-бегал, бегал-бегал. Даже на калькуляторе считал, правда-правда!

Леночка дрожащей рукою пошарила над вытяжкой и достала массивный черный калькулятор, с которым ходила за покупками в конце недели. Набрала сто две тысячи, поделила на сто, умножила на восемнадцать, прибавила обратно сто две тысячи и разделила теперь уже на свой рабочий оклад, который получала чистыми на руки, – и по щеке ее покати-лась соленая слезинка, величиной не больше рисового зернышка.

– А этот, рекламный, торопит! – сквозь смех продолжал Игорь Иванович. – Уж и бумаги распечатал в трех экземплярах – один мне, один себе и один банку, когда выберу. А девица, которая там, где двадцать процентов, но без комиссии, наблюдает за мной и губы кривит. Мол, жадный мужик, престижную вещь покупает, а копейки высчитывает. Э, нет, думаю. У тебя, милочка, я точно оформляться не стану...

Тут у Леночки по щекам скатилось друг за другом еще несколько слезинок покрупнее – где-то примерно с очищенное подсолнечное семечко. Она опустила телефонную трубку между колен и стала смотреть в кухонное окошко. В трубке что-то клокотало и фыркало неразборчиво, но она не слышала, а только думала – за что, за что? И ведь надо же, какой

день выбрал! День рождения! Юбилей!

И так ей стало за себя обидно, что она отерла слезы и решительно поднесла трубку к уху с твердым намерением сказать Игорю Ивановичу все, что накопилось за двадцать три совместных года, четыре месяца и семнадцать дней. – Правда же я молодец! – сказала трубка. – Сама подумай – такого подарка я тебе точно еще не делал!

– Да уж! – подтвердила именинница холодно и сжала свободную руку в кулак. А потом оглушительно всхлипнула и прошептала: – Игорь, как ты мог?!

– Леночка? – удивилась трубка. – Леночка?!

– Как ты мог?! – кричала исступленная Леночка. – Зная мое отношение! Как?!

– Но Леночка... – опешила трубка. – Ты меня слышала? Я не взял кредит!

Леночка растерянно замолчала, боясь переспрашивать. – На сто тысяч! Точнее, на сто две! Не взял! – отчетливо повторил счастливый Игорь Иванович. – Понимаешь, я хотел сделать тебе подарок к юбилею, самый-самый лучший, а тут... В общем, когда девочки насчитали мне почти по десять тысяч в месяц, если на год, и почти по восемь, если на два... я тогда сел над бумагами этими и подумал, как прихожу к тебе... и...

Леночке по мере этого рассказа сначала сделалось немножечко жарко, потом немножечко холодно – и опять жарко. А в самом интересном месте, когда Игорь Иванович, смеясь

над собой пуще прежнего, пересказывал, как возмущались банковские люди и как стыдили его, а он не сдался, – она перешла в большую комнату и тяжело опустилась на вычищенный диванчик. Села на то самое место, где раньше было пятно от пролитого кофе, и не заметила отсутствия пятна. И отсутствия масляного следа, некогда оставленного старшим сыном, не заметила тоже. Она вообще не заметила в диванчике никаких изменений.

Наверное, потому, что в глазах у нее стояли слезы. (Теперь это были по-настоящему крупные слезы, величиною с кофейное зерно.) Виною глупая женская впечатлительность. Кредит на сто две тысячи как бы прошел у Леночки перед глазами, подминая под себя всю культурную программу на год и два вперед, включая летний отдых в Турции и выходные в садовом домике под Рязанью. Как торнадо. Как землетрясение в Китае. Как цунами какое-нибудь. Прошел – и отхлынул. Отпустил.

Уж и рассказ был окончен, и Игорь Иванович почти подъезжал к дому, а Леночка все сидела на диванчике и плакала, плакала, плакала – как девчонка, вытирая распухший нос рукавом. Леночка плакала от облегчения. Много чего ей подарили в том году на юбилей. Но некупленный чудо-пылесос – это был самый-самый-самый лучший подарок.

Третий глаз

У Наташи открылся третий глаз. Наташа очень стеснялась и закрывала его челкой, но даже из-под челки все прекрасно видела.

Подойдет к ней, к примеру, бухгалтер Лидия Алексеевна и зашебечет:

– Ах, Наташенька! Какая вы сегодня хорошенькая! Прямо ангелочек. Подстриглись?

А Наташа глянет третьим глазом и уже видит подлую сущность Лидии Алексеевны: как она Наташиным стройным двадцатипятилетним ногам завидует, как генеральному капают, если с отчетом хоть на полднечка опоздаешь, и как на диете пытается сидеть, а потом ночью в холодильник лезет за колбасой, и про сына-оболтуса видит, которого Лидия Алексеевна на будущий год от армии планирует отмазать, – с кем стоваривается и о какой сумме речь. Даже как-то неловко.

Или вот Людочка. Она к Наташе всегда спиной сидит и ни с кем в отделе старается не общаться, здороваётся сквозь зубы, но и о ней Наташа уже все знает: про молодого любовника, которого Людочка от мужа скрывает третий месяц, про некоторые неприятности «по женским», из-за этого любовника случившиеся, и про то, что Любочка сегодня утром от расстройства яичницу сожгла.

Вообще, в женском коллективе работать, если у тебя тре-

тий глаз открыт, – это сущая мука. И без него ясно, разумеется, что все друг против друга дружат потихонечку, но чтобы такие змеи?!

Вон, стоят две... Смотреть тошно. Complimentами друг друга осыпают, точно пасхальный кекс сахарной пудрой, а сами думают, кто из них в новом году на повышение пойдёт и как бы так устроить, чтобы места не упустить. Каждая, конечно, себя в своем праве считает. У одной дочка школу заканчивает, поступать летом. А у другой муж пьющий. То есть причина и там и там уважительная – но каковы методы?! Первая задумала генерального соблазнить и следующий корпоратив для этой цели наметила, уже коктейльное платье в шкафу висит, в полиэтилене, – вырез на спине ниже ватерлинии; туфли к платью куплены во-о-от на такой шпильке. Думает, если хорошо сохранилась, так уж прямо генеральный на нее кинется. Святая наивность. Наташа его сегодня встретила случайно в коридоре – не мужик генеральный. Уже довольно давно. (И неудивительно, к слову сказать, – работа у него нервная и за компьютером круглые сутки.) А вторая того хуже: решила вечером в пятницу остаться как бы сверхурочно и подружке в компьютер вирус подсадить, чтобы все самые важные документы к понедельнику стерлись, а она вроде как ни при чем. Даже сочувственную речь заготовила, гюрза. Вот как с такими людьми работать?!

И ведь самое смешное, что не повысят ни ту ни другую (Наташа сегодня генерального встретила, уж она-то знает).

У генерального дочка в аспирантуре доучивается, защита в январе. Ей-то и сидеть на теплом месте. Так что зря стараются, яд свой тратят.

Не работа, словом, а сущий ад. И раньше Наташа ее не больно любила – она была девушка творческая, Коэльо читала и из бисера плела, а в первом классе мечтала балетом заниматься, – разве думала она когда-нибудь, что будет в офисе бумажки переключать да в очереди у ксерокса стоять? Нет.

А в метро! В метро и вовсе невыносимо. Трутся люди друг о друга, толкаются локтями, и такое раздражение кругом – хоть ножом его режь, не разрежешь. Плотное, монолитное. Глянешь направо: парочка сидит. Приличные вроде бы ребята: он ее по руке гладит, она ему на плечо голову склонила, – ни дать ни взять попугай-неразлучники. Другая бы сказала – глаз на них отдыхает. Но это если глаз обычный. Наташиному третьему глазу отдыхать некогда: видит Наташа, что они бабку хоронят. То есть ждут не дождутся, когда помрет. Они об этом вслух не говорят никогда – не то воспитание. Но желание такое сильное, что до нутра прожигает. Хочется одним пожить, не дети уже. С ее стороны бабка. Все как положено: воспитывала, обшивала, пирожки пекла, сказки на ночь читала... Эх, люди! Налево глянешь – младая попрошайка по проходу ползет, ступни в минус первую позицию извернув да спину скрючив, на операцию клянчит. Кое-кто дает. Да какая операция?! Здоровая кобыла, дай бог всякому. И в

день, к слову сказать, втрое против Наташиного зарабатывает. Не на себя, конечно, работает, на хозяина. Но сам факт! Наташа с дипломом, в приличной фирме денег таких никогда за сутки не заколотит.

Тяжело Наташе ехать в метро. Капюшон надвинула ниже бровей, в комочек сжалась: но разве можно третий глаз закрыть каким-то капюшоном! Тут мужик всю зарплату пропил, собирается жене врать, что обокрали; там тетка прикидывает, как у родной сестры дачу отсудить; рядом парнишка планирует увести у друга девушку, да и друг тоже хорош – девушка у него не одна, а сразу три, и так он удачно устроился, что все три за него платят; напротив студенточка мальчикам глазки строит – она вчера с преподавателем переспала, чтобы зачет по экономике автоматом получить; около студенточки который – под кайфом, неделя-другая, и конец человеку, перескочит на тяжелую наркоту... Страшно Наташе. Ни один человек о хорошем не думает, вокруг сплошной негатив. От третьего глаза в метро одна только польза: если террористы-смертники задумают вагон взорвать, Наташа об этом первая узнает и всех спасет.

Раньше Наташу от любых проблем шопинг защищал. Прогуляется, бывало, по распродажам, купит новую кофточку – и сразу на душе теплее. Но теперь и шопинг не радуется. Отыщет Наташа красивую вещь, ценник на ладони взвесит, глянет мельком и увидит: там, где стопроцентный cotton нарисован, пять процентов полиэстера вплетено. Пять! По-

нимает Наташа – это чтобы не мялось. Но все равно обидно. Врать-то зачем? Всюду, буквально всюду вранье. Брючки симпатичные в витрине выставлены, made in Italy, скидка тридцать пять процентов. Раньше бы Наташа их купила непременно, но теперь ее вокруг пальца не обведешь. Видит Наташа – никакая не Italy, а Ivanovo, gorod nevest. И лекала, между прочим, немецкие, не итальянские. А цена со скидкой в два с половиной раза выше закупочной. Не шопинг, одно расстройство.

И с промтоварами – это еще не предел. В супермаркетах – вот где самый страх и ужас. Вместо масла маргарин кругом, сметана порошковая, мясо-рыбу для веса водой накачали, на селедках, которые по акции, перебиты даты – срок годности вышел, не выбрасывать же. А крысы на складе нагуляли такие бока, что домашним свиньям завидно. Пропал у Наташи аппетит. Отщипнет хлеба, запьет кипятком – вот и весь рацион.

Такое в себе держать – кто выдержит? Хотела Наташа лучшей подруге открыться, да не смогла. Только на порог ступила и сразу узнала, что про нее подруга на самом деле думает. Аж в жар бросило. И дура-то Наташа, и вкуса у нее нет, и толстая. Это она толстая?! Сорок четвертый размер при росте сто шестьдесят пять! А подруга улыбается как ни в чем не бывало, с поцелуем тянется. «Чего это ты, Наташка, – спрашивает, – челку-то отпустила? У тебя там прыщи, что ли?» Отшатнулась Наташа, бросилась бегом вниз по лест-

нице, лифта не дожидаясь. Бежит по ступенькам, оступается впопыхах и слышит (вернее, видит), как подруга, запирая дверь, пожимает птичьими плечиками и думает: «Вот ненормальная!»

Была подруга – и нету.

Стала Наташа в интернете искать, как ей дальше жить. Интернет ее никогда еще не подводил, там ответы на любой вопрос находились. Набрала в гугле «третий глаз», мышью кликнула «поиск». И посыпались как из рога изобилия ссылки: чаты оккультистов, научные трактаты, популярные статьи, энциклопедические справки, частные объявления от колдунов и гадалок, и даже одна фирма по установке окон ПВХ. Но, что самое обидное, никто третий глаз закрыть не берется. Открыть – это да, многие обещают. «Дураки! – хотелось крикнуть Наташе. – Сами бы пожили с открытым третьим глазом хоть неделю и поняли бы тогда!» Но, делать нечего, выбрала одно объявление. Потомственная сивилла Мэри Кристалл. Имя понравилось. Как-то оно сразу доверие Наташе внушило. Эта Мэри Кристалл помимо третьего глаза много чем занималась: и проклятья снимала, и порчу, и венец безбрачия, еще бралась астральную сущность описать и чакры открыть. Стоило, главное, совсем не дорого – пятьсот рублей визит. Написала Наташа письмо по имейлу, и к вечеру ей ответ пришел: приезжайте, милости просим, когда вам удобнее?

На следующий день Наташа с ненавистной работы отпросилась, сказавшись больной, и поехала в Бирюлёво. Чтобы в общественном транспорте не мучиться, машину поймала. Напрасная трата денег! Даже через замызганные стекла старого «опеля», на котором тряслась по пробкам, третий глаз примечал, что творится вокруг. Мысли московских автомобилистов в пробке слились в сплошной поток многоэтажных ругательств, лишь изредка всплывали поверх мата какие-то сделки, страховки, штрафы и техосмотры. Машины истошно сигналили и подрезали, из-под колес летела во все стороны коричневая мерзость, замешанная на снегу, а водитель, козлице старый, всю дорогу думал, что бы он сделал с Наташей, окажись не в пробке, а на загородной даче по Савеловскому направлению, какую они с женой уже пятнадцать лет строят – не достроят... Добравшись до места, выскочила бедная Наташа из машины как ошпаренная, деньги сунула и даже сдачу не взяла, так ей было страшно и противно.

Дом потомственной сивиллы стоял во дворе за хозяйственным магазином. Обычная шестнадцатиэтажная панелька, каких в городе пруд пруди. Домофон был вывернут с мясом, и Наташа, приоткрыв перекошенную дверь, осторожно вошла в подъезд. К счастью, там никого не оказалось. Вызвала лифт, поднялась на восьмой этаж. Навстречу ей из общего коридора вышла пышногрудая бабища в пестром китайском халате и понесла к мусоропроводу два объемных пакета с мусором. В одном характерно звякала пустая тара.

Наташа посмотрела третьим глазом и поняла, что это Мэри Кристалл собственной персоной. Поняла, что по паспорту зовут ее Марией Кирилловной Лупенко, что в Москву она приехала из-под Киева еще в советские времена и училась в строительном ПТУ на маляра-штукатур, а в потомственные сивиллы пошла по совету практичной приятельницы в начале девяностых. Это оказалось несложно – главное было говорить людям то, что они хотят услышать. А чего хочет услышать женщина, от которой мужик загулял? Или которую замуж не берут, хотя уже возраст? То-то... С другими проблемами к Мэри Кристалл обычно не обращались, но и на этом, даже по пятьсот рублей визит, она имела заработок не чета малярно-штукатурному – трехкомнатную квартиру снимала и не бедствовала.

Наташа зашла обратно в лифт и раздраженно ткнула кнопку первого этажа.

По дороге Наташа все думала: что со мной происходит? Ей было очень-очень страшно. И тоскливо. Ведь говорили же, говорили и писали сколько раз, что все эти сивиллы – шарлатанки. Только на такси зря потратилась... А может, она, Наташа, сходит с ума? Нет, теперь только к хорошему специалисту! К психологу. И чтобы доктор наук, не меньше!

Не помня толком, как добралась до дома, Наташа, не снимая пуховичка, села к ноутбуку и набрала в поисковой строке «психолог доктор наук». Опять посыпались ссылки на

сайты и статьи. Но теперь Наташа выбирала с осторожностью. Большие клиники, увы, пришлось пропустить – в ее ситуации приходилось в первую очередь думать о конфиденциальности. Но среди частных практик через пару часов отыскалась одна, совсем недалеко от дома. У психолога был собственный солидный сайт, оформленный в спокойных зеленых тонах, с выкладкой множества дипломов и лицензий. Была и фотография врача – красивая молодая женщина в белоснежном халате, в дорогих очках, с серьезным взглядом. Не блондинка. Наташа решилась и позвонила. Ее записали на завтра, в пятнадцать пятнадцать. Сначала заартачились немного, но после недолгих переговоров отыскали все-таки окошко в плотном расписании. Стоил поход к доктору дорого, пятую часть зарплаты. Но нельзя же экономить на собственном здоровье!

Наташа очень волновалась и не могла уснуть до четырех утра, да и уснув – ворочалась и постанывала. Проснулась далеко за полдень совершенно разбитая и поплелась в ванную. Про работу не вспоминала уже. Умылась, почистила зубы. Приподняла челку и стала в зеркале рассматривать третий глаз. В интернете много врал: и что выглядит как вертикальная щель, и что чешуйками закрыт, как у ящериц, и что находится не на лбу, а на темени, и что маленький совсем, с игольное ушко. Но нет – у Наташи был глаз как глаз. Такой же серый, как два других. Только ресницы погуще – оттого, наверное, что тушью не красили с тринадцати лет. И

сидел точно посередине лба. Это придавало лицу странный инопланетный вид. Наташа вздохнула и опустила челку. Зажмурила глаза (все три) и прыснула на нее лаком сильной фиксации. Вздохнула. К психологу на всякий случай решила идти в налобной повязке, какую зимой носила на каток. Шапок Наташа еще со школы терпеть не могла. Только прическу калечить.

За пятнадцать минут до назначенного срока Наташа уже сидела под дверью кабинета и листала модный журнал. В белом коридорчике было пусто и гулко, помаргивали холодные больничные лампы, лишь в закутке у окна помещалась молоденькая администраторша. У администраторши сегодня по дороге на работу сломался ноготь, и она была не в настроении. Из-за высокой конторки едва виднелись склоненная голова и краешек плоского монитора, так что непосвященным людям могло показаться, будто девушка занята работой. На самом же деле Наташа прекрасно видела, что она безуспешно раскладывает пасьянс «Паук» на две масти.

Ровно в три пятнадцать дверь кабинета приоткрылась, и оттуда выплыла доктор наук, психолог.

– Наталья Сергеевна? Проходите! – широким жестом пригласила она.

Наташа поднялась и пошла в кабинет – непонятно зачем, ведь третьим глазом она уже все увидела.

Ее усадили в топкое бежевое кресло лицом к окну. Сама же психологиня села напротив на высокий барный стул и те-

перь нависала над Наташей, провалившейся в мягкое едва не до пола. Мутное зимнее солнце маячило сквозь жалюзи, косой луч бил Наташе в лицо, и внутри у нее закипала злоба на эту холеную курицу, нахватавшуюся популярных психологических приемчиков.

Наташу начал душить истерический смех, который она изо всех сил старалась не выпустить до поры, а дать «доктору» начать «лечение», чтобы, раз уж выкинула такую кучу денег на ветер, насладиться победой сполна.

Психологиня включила тихую классику, что-то, кажется, из Шопена, сложила руки на коленях, склонилась над Наташей и произнесла бархатным грудным голосом:

– Что привело вас ко мне, Наталья Сергеевна?

Наташа молчала. Лицо ее было напряженным – его буквально сводило судорогой от смеха, который просился наружу.

– Я вижу, вы напряжены. Расслабьтесь. Сделайте глубокий вдох. Вот так, – психологиня изобразила глубокий вдох, Наташа нервно хрюкнула. – Что вас беспокоит? Проблемы на работе, личная жизнь? Гарантирую: все, что я услышу сегодня, не покинет стен этого кабинета. Но, чтобы решить проблему, мы должны сначала...

И тут Наташа не выдержала, расхохоталась. Психологиня посмотрела на нее с недоумением, отодвинулась немного.

– Что меня беспокоит? Что меня беспокоит?! – Наташа с трудом выбралась из кресла. – В данный момент меня боль-

ше всего беспокоит, что эту небольшую симпатичную практику вам на прошлый Новый год муж подарил, чтобы дома скучно не было. Конечно! Дети выросли, за границу учиться поехали. Чего мамочке дома киснуть, в домохозяйках? Пусть пусечка развлечется немного, на людей посмотрит! Так он вам говорил, да? А хотите, скажу, во сколько ему ваша фальшивая докторская степень обошлась?

Психологиня побледнела, губы ее задрожали.

– Как... Откуда... Откуда вам известно?! – задохнулась она.

– Интуиция! Банальная интуиция! Третий глаз, слышали? – хохотала Наташа, а у самой уж слезы по щекам катились.

– Я... Я не знаю, кто вас подослал и зачем... – прошипела психологиня. – Но убирайтесь вон! Вон, слышите!

– Сначала деньги обратно! Или я звоню в полицию! – выкрикнула Наташа, не помня себя.

Психологиня схватила с подоконника изящную сумочку из красной кожи, пошарила внутри и швырнула Наташе под ноги несколько тысячных бумажек.

– Убирайтесь! Иначе я зову охрану!

Наташа внезапно успокоилась. Насмешливо глянула на «доктора», подобрала с пола деньги, собрала в аккуратную стопочку и вышла, прикрыв за собой дверь. Она прекрасно знала, что сейчас чувствует психологиня и как она, Наташа, ее напугала. Это было довольно приятное ощущение. – Я...

Я мужу скажу... Вы еще пожалеете, – слышала Наташа злой шепот в спину. Но ничуть не беспокоилась, потому что знала – не скажет. Некому говорить-то уже. Появилась недавно молодая да ушлая, увела мужа. Так ей!

Вроде и наказала Наташа аферистку, а легче от этого не стало. Даже наоборот. Куда бежать? У кого лечиться? А вдруг все они такие, психологи эти? Да и чем они ей помогут, если разобраться?

Дома Наташа долго плакала, уткнувшись носом в подушку, и из глаз ее текли горячие соленые слезы. Слез натекло ровно в полтора раза больше обычного, потому наволочка быстро промокла и ее пришлось бросить в стирку.

Наутро Наташа поехала в клинику Фёдорова. Глаз все-таки. Уж если там не помогут, нигде не помогут.

Прием вел старенький благообразный профессор, похожий на Эраста Гарина. Наташа с удовольствием отметила: настоящий. Всю жизнь офтальмологии отдал. Никаких скелетов в шкафу у него тоже не оказалось. А если и были, сам забыл – дело прошлое.

– У вас предынфарктное состояние, – зачем-то сказала Наташа.

– Знаю, знаю, – рассеянно откликнулся профессор. – С чем пожаловали, барышня?

И тогда Наташа стянула налобную повязку:

– Вот, смотрите.

За долгую медицинскую карьеру профессор отвык удивляться. Он пожевал губами, посветил в третий глаз специальным фонариком, рассмотрел как следует. Измерил давление глазного дна. Велел, закрыв остальные два глаза круглыми пластмассовыми лопаточками, прочесть буквы по таблице Сивцева. И Наташа их перечислила, сверху вниз, до последней строчки, а потом еще добавила, что таблица произведена пять лет назад в городе Дмитрове Московской области и ее оптовая цена – тридцать четыре рубля двадцать две копейки. Но эту тираду профессор пропустил мимо ушей. Записал что-то в карту, сказал, не поднимая седой головы:

– Здоровый глазик... Так на что жалуетесь?

Наташа растерялась.

– Видит он у вас хорошо? Так? – подбодрил профессор.

– Слишком хорошо, доктор! – воскликнула Наташа. И расплакалась. И бормотала сквозь слезы: – Он все-все видит, про всех! И почти одно только плохое, понимаете? Это же не люди, это...

Она долго и путано рассказывала доктору о том кошмаре, в котором жила в последнее время. Слезы текли в три ручья – и те, что из третьего глаза, скатывались прямиком по переносице и обрывались с кончика носа.

– Да. Люди, они такие, – раздумчиво сказал профессор. – Это, поверьте, и с плохим зрением видно прекрасно. Вот у меня – близорукость. Минус восемь. Но ничего нового я от вас не услышал. Ну, не плачьте! – Он улыбнулся и через стол

подал Наташе коробку бумажных салфеток.

– Но что же де-елать? – всхлипнула Наташа, вытирая слезы, которые никак не хотели остановиться.

Профессор ненадолго задумался.

– А я вам знаете что... Эффекта стопроцентного не обещаю, но попробовать стоит...

И он стал выписывать рецепт.

Через несколько дней Наташа получила в оптике маленькую розовую линзу с нулевыми диоптриями и, едва дотерпев до дома, вставила ее перед зеркалом, промыв сначала пинцетом в специальном растворе. Сморгнула. Прикосновение линзы было глазу неприятно, но вполне терпимо. Наташа выглянула в окно и стала рассматривать прохожих.

Увы, розовая линза не работала. Наташа видела в людях то же, что и раньше. Однако приятный теплый оттенок как-то примирял с окружающей суровой действительностью. «Пойду завтра на работу, если не уволили еще, – решила Наташа. – А если увольнять начнут, шантажировать буду. Что я, хуже людей? Я же теперь все про них знаю, вот они у меня где!» – и сложила изящные пальчики в маленький твердый кулак.

Она уже целых десять дней никуда не выходила просто так, для собственного удовольствия. Не до того было. А сегодня решилась. В любимую кофейню, где подавали изумительный горячий шоколад с пряностями. И неважно, как да

из чего его там готовят! Натянула старенькие джинсы, мягкий оранжевый свитерок. Краситься не стала – зачем, когда кругом одни моральные уроды?

Наташа увидела его, едва ступила на порог. Он сидел перед распахнутым лаковым ноутбуком, и сильные пальцы стремительно ходили по клавиатуре, касаясь ее мягкими ласкающими движениями. Вид имел сосредоточенный. А потом неожиданно встал во весь рост и с удовольствием потянулся, так что захрустели суставы. Могучая шея, широкие плечи, никакого намека на пивной живот. Выбритые виски. На глаза углом спадает черная ассиметричная челка. Обтягивающие джинсы, остроносые сапоги-казаки. Белая водолазка обтекает рельефы... Наташа смотрела как замороженная. Почувствовав ее взгляд, он повернулся и спросил:

– Что уставилась, куколка? Познакомиться хочешь? Так я не против! – и улыбнулся, продемонстрировав крепкие белые зубы.

Она сразу все про него поняла: что трепло, что женат третий год, что почти нищий фрилансер на случайных заказах, а замашки как у наследного арабского принца, что не дурак выпить и покуривает травку, что хамоват, что знакомиться с ним нельзя ни в коем случае, НИ В КОЕМ! Но это странным образом ее не обеспокоило. Она шагнула навстречу и неловко протянула вспотевшую ладошку:

– Наташа.

– Сергей, – ответил он насмешливо, сканируя Наташу взглядом и подбирая ее дрожащую ручку своей увесистой лапицей.

«Как Сергей? Ты же Никита!» – пронеслось в голове.

А потом как будто что-то щелкнуло. Маленькое невесомое стеклышко упало под ноги и, розово блеснув в приглушенном свете кофейни, неслышно покатилося под столик. Наташа машинально потерла лоб. Третий глаз исчез. На месте его остался едва ощутимый шрамик, который легко запудрить.

– Присоединяйся, куколка! – пригласил Сергей, захлопывая ноутбук, и махнул официанту.

Они сели за столик, заказали глинтвейн.

Ночевать поехали к Наташе.

Оксана Лисковая
*Семинары Юрия Кузнецова, Олеси
Николаевой, выпуск 2000 года*
Заведующая учебным отделом
Селедка на пляже

Место действия: московская больница, второй этаж.
«...Считает себя больной в течение 20 лет...»

Завтрашняя вена

Ночью не спала.

Я не боялась операции. Я верила в свое везенье. 18 октября оно было повсюду, оно окружало и щекотало колени, тащило мой рюкзак и включало вовремя зеленый свет. К тому же оперировать предстояло не мне – и это тоже было большим плюсом.

Я нервничала – и боялась больницы как природной аномалии, как непонятого вопроса, как незнакомого места, как высоты. Больница откликнулась на мои страхи. Пройдя через главный вход, я посмотрела на указатель, чтобы дойти до нужного мне корпуса, и увидела:

«четвертый с половиной корпус морг». Икнув, я сначала достала бумажку с адресом и сверила: все было точно, мне туда, в морг. Потоптавшись на дорожке и неуверенно посмотрев в небо, я позвонила врачу:

– Здравствуйте, это я.

– Здравствуйте, – появился в телефоне Л. А.

– А вы уверены, что мне в четвертый (фиг с ней, с половиной) корпус?

– Да. А что?

– Спасибо. Сейчас буду, – в конце концов, если врач хороший, какая разница, куда идти?

В десять ноль семь я поставила рюкзак возле своей новой кровати и полетела оформлять бумаги в приемное отделение. Пока Л. А. показывал его из окна, все было отлично, только руку протяни, но как только я вышла, корпус немедленно исчез. Обежав территорию больницы несколько раз и поняв, что вернуться обратно – это отдельная история, я, наконец, попала сквозь курящий медперсонал в нужные мне оформительские коридоры с узкими закрытыми дверями, на одной из них было написано «Зав. пр. отделением». Я постучала тихонько, потом громче, подергала дверную ручку. Из лабиринта на стук выскочила дама в халате с отлично выбеленными волосами, уложенными в замысловатые хохолки:

– Что вам нужно?

– Заведующего отделением, оформиться.

– Не ломайте двери! Я сейчас вернусь и оформлю вас, – белые хохолки исчезли.

Слоняясь по коридору, я оценила просьбу: дверь в ее кабинет и несколько соседних выглядели не очень, я бы даже сказала, нездорово, внизу были вмятины, о происхождении которых я предпочла не думать. Села на банкетку и стала ждать. Появившись через полчаса и пригласив меня в кабинет, заведующая сообщила, что направление в больницу выписано неправильно – мой врач «царь-эгоист-надол-сколь-ко-раз-говорить» плюет на чиновничью мораль. Пока она писала в большой амбарной книге, я подумала, что как профессиональный чиновник я ее понимаю. Записи в таких книгах должны быть четкими, а в личном деле только правильные бумажки, канцелярия требует к себе любви и сочувствия. Но... Л. А., нарушая правила крашеной дамы, поступил, пожалуй, хорошо, правильная бумажка занимает слишком много в нашей жизни... и я часто нарушаю... я только на мгновение представила, сколько бы еще заняло времени получение правильного направления... сколько нужно услышать... еще найти печать... как обычно... человек вторичен...

– А ваш участковый?

– Что? – прибавив Л. А. плюс, удивляюсь я. Лет пять уже не была у своего участкового врача, даже не знаю, как он выглядит, даже примерно.

– Лентяй никчемный... – сердится дама, потому что мифический участковый не направил меня к кардиологу по поводу брадикардии.

– Брадикардия в вашем возрасте? Вам сколько лет?

– Не знаю. Тридцать семь или тридцать восемь... кажется, тридцать восемь... одну минуточку, – я вынимаю из кармана сумки телефон и включаю там калькулятор – нужна же точность.

– О как! – восхищается дама.

– Тридцать семь, – без ошибок сообщаю я, разделяя ее восторги. Мне нравится телефон, внутри которого живет калькулятор.

– О как! – с восторгом повторяет дама.

– Мне не до того, – как-то глупо улыбаюсь я.

– И не до брадикардии! А вы ведь не спортсменка! Это для спортсменов замедленное сердцебиение даже хорошо. Это защитная реакция! А для вас – плохо, в таком-то возрасте.

– А в каком хорошо? – достаю я снова телефон, чтобы разузнать у калькулятора, когда будет хорошо.

– Для вас – ни в каком.

Я засмеялась, спрятала телефон и спросила, ощутив внутри охлаждающий хорошее настроение мистический ужас:

– Мне домой ехать?

Мама привезла меня в больницу. Мне восемь лет. Мы стоим в белом помещении. Большая женщина в ужасно мя-

том желтоватом халате ходит туда-сюда, садится, что-то пишет. Мне хочется обратно, хочется плакать. Но я молчу. Я заболела, меня привезли лечить. Я раздеваюсь. На мне теперь нет ничего своего – чужая пижама велика и противно колется. Женщина берет меня за руку, приглашая пройти дальше в бесплатную советскую медицину. Медицину я помню – рыжеволосая медсестра и щелкающие между собой железные иглы и шприцев, сладковатый запах в рентген-кабинете, дурацкое белое постельное белье с голубыми буквами «минздравминздравминздравминздрав». В палате двенадцать человек. Все одинаково больные. Я ложусь на кровать и отворачиваюсь, пытаюсь разгадать, что такое в-ар-д-з-н-и-м-и-н-з-д-р-а-в-м-и-н-з-д-р-а-в-м-и-н-з-д-ра-в-а-р-д-з-н-и-м. У меня воспаление легких, которым я заболела в детском санатории, где тоже от чего-то лечилась.

Вернулась в свое отделение, постучала в ординаторскую, отдала в чьи-то незнакомые руки подписанные бумаги, и откуда-то из-за шкафа сначала что-то хлопнуло, а потом вынырнул голос Л. А:

– Проходите в палату, осваивайтесь.

Мне вдруг показалось, что все это неправда, захотелось сбежать, но я пошла осваиваться.

Освоение палаты, в сущности, дело простое – она состоит из четырех стен, двери, раковины, окна, пяти кроватей и нескольких старушек.

– Здравствуйте! – громко кричу я. – Меня зовут...

– А нам не нужно знать, как вас зовут, мы выписываемся.

На окне жалюзи, решетки, а за решетками – береза, по которой прыгает и веселится синица, осваивая ее ветки. Пока я переодевалась, пляясь на синицу, мысленно разговаривала с собой, чтобы не оставаться в одиночестве; пока вынимала из рюкзака разные вещи, мое сознание разделило их на больничные и городские. Больничные были быстро и брезгливо брошены в тумбочку, а городские аккуратно сложены и спрятаны. Засунув пакет с городскими вещами под высокую кровать, я забралась на нее, стала читать книжку и завидовать выписывающимся старушкам, которые сказали, что мое имя им знать не нужно.

Почти одновременно со мной появилась еще одна пациентка.

Старушка Недовольной Дочери.

У нее молодой и почти идеально красивый доктор – Красавец. Старушке 81. Ее перевели сюда из другой палаты. Она строго соблюдает режим дня:

1. Завтрак.
2. Сон.
3. Обед.
4. Чтение журнала.
5. Сон.
6. Ужин.

7. Чтение того же журнала.

8. Сон.

Пункт второй, пятый и восьмой соблюдался особенно строго:

– Десять часов! Гасите свет.

Свет горел над моей кроватью, как в поезде. Я удивилась и сделала вид что не слышу.

– Девочки, десять часов! Соблюдайте режим дня! Гасите свет.

Я застеснялась, хотя попыталась возразить, но свет выключила и ушла в коридор. Из-за этого предоперационная бессонная ночь продлилась на три часа дольше – из коридора медсестры выгнали меня спать, пришлось смотреть в потолок.

Удивительно, что режимная бабулька постоянно свивается в кровати под двумя одеялами в своих бесконечных снах. А казалось, должна быть традиционная бессонница.

К старушке приходили дочь и зять.

Дочь ворчит:

– Ой! Ну что ж тебя сюда перевели. Как нехорошо! Там ты одна была в палате, а теперь?

– Вы знаете, – обращается ко мне, – это ужасная больница. Сюда лучше не попадать (а у меня завтра операция), здесь все за деньги. У нас все свое, и лекарства, и все остальное, ну знаете, да? И вообще – безобразие. Кипятка не дают! Эта мне сейчас устроила скандал. Та давала, а эта нет. Здесь ни-

кто никому не нужен.

Кипятка правда не дают, я тоже попросила кипятка, так как у меня был свой чай. Мне налили чай из чайника с номером, я испугалась и вылила номерной чай в раковину. Лучше пить воду.

После операции, когда мне разрешили ходить, Старушка Недовольной Дочери дала мне свою палку. Я попробовала, чтобы не спорить с ней, но все-таки отказалась. Потом она учила меня скручивать бинты:

– А ты почему вторую ногу не бинтуешь?

– Врач сказал, что не надо.

– Ты не слушай их, они скажут. Ты бинтуй! Вот у меня отекло, а почему, непонятно. Я бинтую.

Пытаюсь возражать, я-то Л. А. строго и ответственно доверяю. Старушка со мной спорит. Моя Сестра-Ангел говорит мне шепотом: «Соглашайся». Я обещаю бинтовать, но заранее вру.

В пятницу Старушку выписывают.

Пришли дочь и зять, помогают ей собраться.

– Надевай вот это пальто, машина у корпуса.

Я немедленно вспомнила надпись на воротах: «Проезд машин только по пропускам».

– А вас пропустили? А разве можно? А как?

– Как у нас все? За деньги. Дали охраннику.

– А-а-а-а, – утыкаюсь я в книжку.

Старушка Недовольной Дочери пошуршала своими вещами совсем по-хомячьи, словно оказалась в комке ваты, и легла спать, подложив под щеку глянцевого журнала. Я посмотрела на часы – начало первого. В Чикаго три часа утра, в Петропавловске-Камчатском – полночь, в больнице – вне- временно. Спрятала часы, попробую измерять время прочитанными страницами.

Через пятьдесят восемь страниц пришел мой царственный Л. А. и стал что-то спрашивать, записывать, смотреть ногу. Я встала на самый край кровати, сообщив:

– Высоко! Ничего не вижу, – поскольку стояла к этому краю спиной, а сказать, что боюсь высоты, постеснялась.

Так же, не видя, подписала бумаги, где разрешала оперативное вмешательство. Профессиональный инстинкт требовал прочтения этого текста – просто так, я же понимаю, что все равно подпишу. Может быть, пару страниц? Но буквы отчего-то отвернулись от меня и не стали читаться, видимо, текст по каким-то причинам решил меня проигнорировать и не остался со мной даже в виде копии. И несмотря на то, что мой внутренний чиновник понимал: копия должна быть, – я как-то неактивно наблюдала, как подписанные бумаги уплыли с тумбочки и потерялись в белизне врачебного халата.

Пообещав встречу с анестезиологом и три укола с утра, чудо-доктор-царь удалился вместе с бумагами и халатом.

Я стала ждать, через несколько страниц узнала, что туалет в больнице – прям как у нас в институте, один на двоих – для

мальчиков и девочек, и мальчики, естественно, там курят. Старушка Недовольной Дочери и Вера Ивановна возмущены: отложили свои читальные принадлежности и с азартом ругают туалет.

Вера Ивановна.

Примерно семьдесят два года. Лежит повторно. В этот раз на терапии. Полтора года назад Л. А. поймал у нее в животе тромб. Она на него жалуется:

– Тромб был в ноге, он хитрый, не стал его удалять, а потом поймал в животе.

– Ну и как? Удачно? Последствий нет?

– Нет, но вот что ж он его из ноги не вырезал? Из ноги проще!

У Веры Ивановны погиб в автоаварии младший сын, почти мой ровесник. Она живет с внуком и его девушкой.

Рассказывает какие-то непонятные мне истории с квартирами: в результате ее желания сделать всем лучше она оказалась в коммуналке. Между делом удивляется, что Л. А. меня сегодня три раза навестил. Ей со мной можно поговорить, я слушаю и читаю. При мне к ней никто не пришел. Но по телефону звонили подруги и внук, она всем сказала, чтобы не приходили, они и не приходили. Так ведь удобно, правда? Вечером предлагала ей крем для лица – отказалась.

Я к такому устройству туалета равнодушна, мне все рав-

но, в детском саду тоже такой был, правда, мальчики еще не курили.

Потом доктор пришел еще раз, что-то, видимо, говорил или спрашивал, но я тут же все забывала, к тому моменту я прочитала почти сто пятьдесят страниц и боялась, что книг хватит только на один день, потому, перебив его, я капризно сказала:

– Почему нельзя было приехать вечером? Надо было мне вечером приехать.

– Как вечером? – спросил Л. А., смешно приподнимая брови и нос.

– Ну что мне тут делать целый день? Ужас!

– Ну, вы к нам привыкнете, мы к вам.

Царь ушел. Я уткнулась в книжку с твердым намерением не привыкать, а скорее выписаться.

Я мерзла, совершенно непонятно, по каким причинам, похоже, больше никто не чувствовал холода, время было потеряно, зато тревога и холод стали вполне телесными ощущениями. Начиная замерзать, я выскакивала с книжкой и телефоном в коридор. Говорила. Читала. Говорила. Ходила. Возвращалась. Смотрела в окно на синицу и мерзла. Мерзнуть стало даже приятно. Наверное, я привыкала.

За распахнувшейся палатной дверью неожиданно возникло что-то большое и зеленое. Я подняла голову и обрадовалась, мне подумалось, что анестезиолог уже не придет, почти

вечер, синица исчезла. Споткнувшись в буквах моей фамилии, зеленый и большой посмотрел на старушек и позвал в коридор. Я весело (наконец хоть что-то дельное) выпрыгнула из кровати, к которой уже примерзла, и понеслась за ним в коридор, одновременно подумав, что вот так сидеть, скрепив ноги, я могу последний день.

– Вас как зовут?

– Ак...

– Неважно, я анестезиолог – у вас, наверное, работа сидячая?

– Сидячая?

– Ну да, вот и результат – больные вены. Да?

– Похоже на то. Можно не спать на операции?

– Можно. Вам когда-нибудь делали наркоз?

– Не раз.

Мне одиннадцать лет. Я прихожу в себя после операции, после снятия повязки, и живу дальше. В палату заглядывают врачи. Я уже не помню их лиц, и имен не помню, а вот их движения, ощущение их настроения возвращаются ко мне легко. Все хихикают и подмигивают, особенно мужики. Спустя много лет мама рассказывает: приношу передачу, врач просит зайти и спрашивает, какая у нас в доме семейная обстановка, как в школе? Мама говорит, что все нормально (а так и есть в целом, если не считать моего характера). И тут врач ей говорит:

– Ваша дочь тАААк ругается матом! Откуда она знает тАААкие слова, а главное – их управление! У нас шок был в операционной! Мы смеялись. А потом все ходили на нее посмотреть, даже студенты.

Мама не знает. Маме стыдно. Мама у меня матом вообще не ругается! А я – советская девочка, пионерка, выражаю свое отношение к жизни под наркозом вполне безответственно.

– Это в позвоночник?

– Да.

– Это больно? – я боюсь, что это больно, совсем не хочу больно, к тому же, по дурасти мне представляется, что иголка во мне застрянет, сломается, и будет землетрясение. – Нет, не больно. Потом нужно будет пить много воды. А с семи утра нельзя.

– Хорошо, буду пить.

– Аллергия есть?

– Есть. Аспирин.

– Да, хорошо, я понял. Какие будут пожелания?

– Пожелания? А что за пожелания? – удивляюсь я.

– Ну-у... разные бывают.

– Какого рода? – На самом деле я бы что-нибудь пожелала, мне тоскливо здесь, но в замкнутом пространстве желания сами собой как-то не приходят в голову – за тебя желают врачи. К тому же, нужно запомнить кучу того, что они

говорят, хотя в целом это бессмысленно – говорят они быстро и тихо, не записал – привет. Если бы я знала, как будет в операционной, я бы, конечно, пожелала одеяло, или шерстяную простынь, или операционный стол с подогревом, или надпись на потолке «не спи, товарищ». Но я ничего не знаю.

– Ну, вы уже пожелали! Я завтра утром зайду, может, что придумаете, – и убежал, исчез в вечернем коридорном пространстве.

Пришел Л. А., сказал, что дадут на ночь феназепам: «Перед операцией нужно хорошо выспаться». Я отказалась. Он поговаривал, сошлись на том, что «беленькую таблеточку» дадут, а я могу не пить. Могу не пить.

Могу бродить по коридору и придумывать желание (я бы руки оторвала дизайнеру, подделавшему коридор под длинную, выплывшую на поверхность синеватую вену). Темнеет, врачи уйдут домой, останутся не выписанные старушки в палате. Может, им пригодится мое имя?

Плавая мимо сияющих синевой дверных стекол, я оказалась у поста медсестер, это где-то в центре коридора. В центре сообщили секрет: во-первых, я больная, во-вторых, нужно делать клизму и на операцию ехать голышом.

А я-то подошла в центр и спросила: «Как одеваться?» Хорошо хоть брови накануне покрасила. Видимо, Л. А. был прав, что велел приехать в десять утра. Как выяснилось несколько позже, больница – это не увеселительное заведение. А жаль. Я скорчила рожу и по совету сестер побежала в

ординаторскую сообщить, что я есть не буду (возможно, никогда). Фиг вам. (Попросить противошоковое?) Тот же анестезиолог (а может, и не он, но тоже абсолютно зеленый) жалостно сказал:

– Это завтрашняя вена?

Царь, не оборачиваясь, кивнул.

– Лучше проклизмиться, а то после наркоза тяжело.

Вероятно, где-то здесь, удаляя имя собственное и превращая тебя в диагноз, больница радостно поглощает твое привычное сознание. Здесь – другая свобода. Замыкая пространство бело-синими призрачными дверями палат, прикроватными тумбочками и однокрылым водянистым коридором, она отбирает привычки, условности и даже мечты. Есть только назначения и желание выполнить их с точной безусловностью. Приходящие к тебе из мира люди уже несут другой заряд жизни – жизни, которую ты забыл, вот так сразу, выполнив странное «привыкать». Я пометалась в палате: клизма – это слишком страшно. Сначала мне захотелось спрятаться, чтобы меня не нашли, потом достала рюкзак – собраться домой, почти заплакала, не соображая, почему так боюсь «клизмиться», и поняв, что делаю что-то не то, что из-за этого из больниц не уходят, я выбежала в коридор звонить своей подруге.

Мы стоим с Викой в туалете у окна, обнимаемся и пла-

чем. В окнах напротив горит желтый домашний свет, а не белый, как здесь. Вика ехала в пионерский лагерь в Крым. Автобус вылетел с серпантинной дороги. Она сидела рядом с папой. Напротив, у своего папы на коленях, сидела маленькая девочка и ела черешню. Отец выковыривал ей косточки и давал только мякоть, потом протянул горсть Вике. Последнее, что она помнит, – маленькая девочка вылетает в окно, а на каких-то кустах висит чья-то сандалия, черешня и рука с часами. Вика тогда ослепла. Ей делают не первую операцию. Она уже видит. Всех, кроме своего папы. Папа у нее погиб.

Мы плачем, рассматривая сквозь прыгающий желтый свет чужое безболезненное благополучие.

– Ну, хватит, – говорит Вика, – плакать нельзя. Если увидят, накажут.

Наказанным детям медсестры делали клизму или раздевали и ставили на стул в палате или в столовой во время общего ужина. Дисциплина – важная часть власти, часть больничной жизни. Кому об этом расскажешь?

– Если бы Завтрашней Вене сказали об этом заранее, – плакалась я подруге, – я бы перестала есть за два дня, и никакого кофе с утра, даже если он пахнет остро и сладко, понимаешь, когда я вдыхаю кофе, мне кажется, я взлетаю, как счастье. И йогурт долой.

– Клизма – это прекрасно! Дали бы одобрил! Понимаешь?

Выставка Дали, которую мы посетили почти перед больницей, была веселой. Мы выкатились из здания на Волхонке, пружиня от смеха, очередь, мимо которой мы шли, оглядывалась.

– Девочки, что там? – спросил нас бледный мужчина с тростью.

– Ужасно смешно! Не художник – восторг! Обхохочешься.

– Серьезно?

– Ха-ха-ха! Очень!

– К тому же, бесплатное очищение организма! Люди платят деньги, а тебе – пожалуйста! – разумно утешала далианская подруга.

– Пожалуй, – согласилась я, рассевшись на подоконнике и наблюдая за лифтом, который открывал двери и показывал, кто у него внутри: за врачами стояло что-то розовое и вздыхало, – ой!

– Что там у тебя?

– Так, что-то розовое проехало на лифте.

– Дали бы зарисовал.

После сведений о «клизмиться» особенно нас порадовал феназепам, который я попросила медсестер не давать. Все это в своей неожиданной логике развеселило, и, обсуждая по телефону с моей далианской подругой способы бесплатного очищения организма, нарушая всякие покойные настроения

режимного острова, мы несколько раз с восторженным смехом повторяли:

– Сделать клизму, выпить феназепам и проснуться в... в тепле... вот и утро наступило!

Я успокоилась, беспричинный страх ушел. Может быть, у меня не было аппетита, а может, в том непрочитанном тексте есть пункт 3.6.4. «выполнять, что обещала» – есть я перестала. И так, на всякий случай, с семи вечера перестала пить. Температуру не знаю.

Соленое вредно

Ночью не спала. Пространство замкнулось, время исчезло. Я смотрела в потолок, слушала плеер, который привычно исполнял венский католический концерт, пытаюсь перебить крик бабы Зины, чья кровать разделяла пространство между мной и Верой Ивановной.

Баба Зина.

Баба Зина появилась внезапно, во вторник к вечеру, семьдесят шесть лет. У нее один сын и невестка. Сломана нога. Она лежачая. В подгузнике. Очень неухоженная. Лохматая. С грязными руками и ногами и бородатым подбородком. Речь после инсульта нечеткая, одна рука не двигается. Сын пришел с ней. Оставил пачку подгузников, воду, погладил

ее по щеке и ушел. Никто ее не кормил. Она кое-как пила. Днем спала. К вечеру просыпалась и начинала кричать. – Где я? Где я? Господи, что я такого сделала? Мама!

Л. А. был недоволен тем, что ее положили. Я тоже – она меня пугала. Именно своей старостью. Часть ночи до операции я уговаривала себя не бояться, что у меня все будет по-другому. Все проходит гораздо быстрее, чем хочется, и совсем не хочется быть беспомощной, всем мешающей и вот так лежать на кровати, кричать всю ночь и знать, что ты никому не можешь понравиться – совсем. Я смотрела на нее в свете уличного фонаря и пыталась понять, какой она была раньше: непримиримо красивой? Кто знает? Может, она думает, что эта страшная больничная кровать – не для нее, не навсегда, надеется выздороветь, а врачи вокруг точно знают, насколько эта надежда неправдоподобна, и делают, что могут. Я лежу рядом, слышу ее, жду десяти утра, своей операции, и не хочу стареть.

В среду к ней пришли. Гибкая невестка и сын. Оба хорошо одеты. Подделали подпись, чтобы получать ее пенсию, пока она в больнице. Сама баба Зина расписаться не смогла. Покормили ее. Долго объясняли врачу, что они работают, что все бросить не могут. Красавец их понимал. Я тоже их понимаю, но...

– Вы меня запустили, я уж теперь не воскресну...

Я затыкаю уши плеером или берушами, чтобы если не за-

снуть, то хотя бы частично не слышать, как она кричит ночью. Им повезло – они сегодня ее не слышат.

Ела баба Зина случайно, один или два раза в день. Два раза, это если я или мои гости ее кормили.

Перед тем как ее забрали в реанимацию, я сказала ее невестке, что они приносят мало воды. Воды действительно не хватало, пила баба Зина много, но именно в тот день она начала мало пить и ее увезли – дежурил Красавец.

Утром я узнала, что баба Зина была еще жива. Потом ничего не говорили, смотрели на меня с удивлением. Какое мне было дело? Но вот я до сих пор думаю: а жива ли баба Зина?

Остров плыл со мной и нес меня все дальше от привычной жизни. Сквозь жалюзи безжалостно и остро светил фонарь. Через вечные оконные щели в палату проникал ветер, скользил по моему плечу, задевал лоб и спешил дальше. Было то холодно, то жарко, ночь все не кончалась, я смотрела на часы – они не двигались, сбивалась простынь, выворачивалось одеяло, а за дверью тянулся в обе стороны синеватый коридор. Потом, внезапно, наконец включился свет, всем стали колоть уколы. Я села на кровати. Медсестры прошли мимо. Потом пришел Л. А., спросил, как я себя чувствую.

– Хорошо.

И ушел. Я тоже решила уйти, бродить где-нибудь, и распахнула дверь, но медсестры, обернувшись, попросили меня не покидать палату, чтобы мы вас, «больная», не ловили.

«Больная» – это, конечно, жаргонизм, никакой больной и даже нездоровой я себя не считала. Я согласилась на операцию, потому что пришло ее время, как если бы позвонил будильник, или самолет взлетел по расписанию, или Дали написал новую картину. Ничего другого, кроме этого, не было, никакой «больной»! В «больных» играли все остальные, а я играла в другую игру, но по правилам, потому перестала бродить и вернулась в холодную кровать.

Я читаю. Кричат:

– Завтрак, девочки, мальчики! Проходите на завтрак.

Старушки идут на завтрак.

Царь ведет меня на УЗИ (у-л-ь-т-р-а-з-в-у-к-о-в-о-е-и-с-к-у-с-с-т-в-о). Я скачу за ним по лестнице и попадаю на первый этаж, где к стенкам в очереди прилипли грустные люди.

Узистка в шоке! Это не нога, говорит она, это ужас! Какие дыры (что за дыры, не знаю – видимо, космические), величиной с палец!

– У вас голова не кружится? Если кружится... не терпеть...

– Нет, у меня не кружится, – отвечаю я УЗИ-искуснице, поглядывая на нее с высоты банкетки.

– Смотрите, Л. А. – И они перешли на гиппократов язык, к счастью, скрывающий от пациентов всю правду. Кто хочет знать их правду? Я не хочу, поэтому не прислушиваюсь, а

смотрю в окно и тихо-тихо пою песню про лен-конопель: «В темном лесе, в темном лесе, распашу ль я, распашу ль я, пашенку, пашенку, я посею, я посею, я посею, лен-конопель, лен-конопель...»

Л. А., тем не менее, посидел рядом, посмотрел еще немного на загадочные дыры и стал рисовать на моей ноге узоры: кружочки, линии соединения и крестики синим фломастером, очевидно, появившимся у него из рукава. Нога стала красивой.

– Где же вы находите таких сложных пациентов? Ужас, смотрите: вот узел, а вот еще дыра...

Конопель засеялся, стало скучно, я тоже посмотрела на экран: серо-синее булькающее пространство... Что они там видят? О чем говорят?

– Если вашей дочери не сделать операцию вовремя, то слепота как следствие будет прогрессировать, возникнут проблемы с позвоночником, видите, она держит голову неровно, ей так удобней смотреть, мы вам предлагаем двойную операцию...

Я сижу на скамейке, мама вдалеке говорит с врачом. Мне нравится слово «двойную», вот бы есть двойные конфеты. Я подхожу к маме:

– Мама, соглашайся, двойная – это больше, чем одна. Это вкуснее.

Врач смеется и поворачивает мне голову.

– Ты скоро будешь как все. Хочешь?

Я жму плечами – непонятно.

– Тебя не будут дразнить.

Я не верю, я обиженно сажусь обратно – меня постоянно дразнят, и я постоянно дерусь или плачу.

– Я могу еще парочку таких сложных подыскать, – неожиданно вступаю я в их диалог.

Смеемся с узисткой, Л. А. удивился, приподнял нос с бровями и вернулся к рисованию, крутя меня в разные стороны.

– У вас голова не кружится? – повторяет пароль узистка.

– Да нет, с чего бы ей кружиться? Хотя от голода, пожалуй.

– Ай! Кушать не дают!

Л. А. дорисовал свои диаграммы и куда-то вышел. Я слегаю вместе с татуажем и спрашиваю узистку, разглядывая новообразовавшуюся графику:

– А я ходить-то буду?

Посмотрев на синие кружочки, она рассказывает знаменитый анекдот:

– Пациент после операции спрашивает у хирурга:

«Доктор, а я на скрипке буду играть?»

«Ну да, конечно».

«Странно, а раньше не играл».

Мы смеемся, я открываю рот, чтобы рассказать другой анекдот:

– Больной отходит после наркоза:

«Доктор, я что-то не могу нащупать свои ноги».

«Видите ли, нам пришлось ампутировать вам руки».

– Идите в палату, – неожиданно говорит появившийся доктор-художник.

Меня везут на операцию. Страшно. Не нравится смотреть в потолок, не нравится лежать. Не нравится бояться. В лифте куча людей в белом прижимаются к стенкам. Лифт скользит туда-сюда. Я рассказываю анекдоты.

– Тебе сколько лет? – спрашивает кто-то у стены.

– Одиннадцать, ну так вот... ежик и зайчик нашли ружье...

Я рассказываю, пока мы в пути, пока какая-то женщина не говорит:

– Ну и дети, таким наркоз нужно давать заранее.

С другой стороны стены подмигивают.

Рот приходится закрыть, вернуться в палату от веселой узистки к позавтракавшим старушкам. Художник, как истинный гений, пришел следом, дорисовал еще пару штрихов и исчез.

Вместо него появился шприц с атропином и противным по цвету антибиотиком, всего два укола из трех, обещанных накануне.

Потом пришли медсестры с каталкой, сказали все снять, даже резинку для волос и нательный крестик. Накрыли меня простынкой и покатали на операцию, в лифте я показала

язык своему отражению на потолке. Медсестры засмеялись и тоже стали показывать потолку языки.

Я лежу голая под одеялом. Мне шесть лет. И жду, когда заберут на операцию. В палате появляется каталка, на ней лежит голый мальчик, завернутый в простыню. Я стесняюсь и не вылезаю. Ему говорят: «Отвернись». Он отворачивается. Я перелезаю к нему, и меня укутывают простыней. Я чувствую его тело, и мне хочется раствориться. Ему, наверное, тоже. А взрослым плевать. Их ничуть не смущает – можно не ходить два раза. Очень удобно. Дети и дети, а мы смотрим друг на друга с ненавистью. В каком-то коридоре мальчик исчезает, и я про него забываю. Передо мной выплывает огромная странная лампа, каких я никогда не видела даже в магазине.

Анестезиолог в зеленом костюмчике так и не пришел, наверное, забыл про свое обещание. Я, правда, так ничего и не придумала. Джинны разрешали загадывать три желания, Зеленый одно – слишком мало, чтобы не совершить ошибку.

Приехали. Операционная совершенно пустынна, окно такое же голое, как я. С меня сняли простыню, и я перелегла на холодный операционный стол. Под спиной оказалась какая-то еще более холодная квадратная штучка, которую мне захотелось убрать, но оказалось, что так надо. Я расползаюсь по столу, и меня накрывают другой простыней – серова-

то-желтой и мятой, типа жеваная ткань, когда-то было модно. Лежу. Десять утра. Пришла операционная сестра.

– Вас как зовут?

– Акс... (Хотя, в целом, я уже не уверена, что меня так зовут, голое существо имени не имеет). Я – Сегодняшняя Вена.

– А меня Ира. Клади ручку сюда.

– Что это?

– Рукав, специально придумали.

Если на операционном столе не лежать, то можно вполне самому догадаться, как он устроен и что за штуки прикреплены к нему справа и слева.

– У вас очень холодно.

– Да, в операционной всегда так, так положено, придется потерпеть. Поработай ручкой.

Я сжимаю и разжимаю пальцы, чувствую, какие они холодные и как медленно двигаются. Ира ставит катетер прямо на внутренний сгиб локтя.

– А это что?

– Это капельница.

Вижу, что капельница, я хотела спросить, что там внутри, но забыла, как это сделать.

Трясет от холода, простыня прыгает, изображая желтое море.

– А вдруг я буду кашлять?

– Ну и кашляйте. Я все хорошо закрепила, не вылетит. А

почему вы вдруг будете кашлять?

– Ну не знаю, а вдруг.

– Да кашляйте, вы ведь живой человек.

– Хорошая шутка.

– Я не шучу, вы пока живая, все признаки, – Ира вдруг начинает кашлять.

Мы смеемся и переходим на «ты».

– Да ну тебя.

– Я вообще тихо буду лежать. Я тут стесняюсь. Я не одета.

– Да ты что? Тогда я за тебя кашлять и...

Откуда-то сбоку появляется незнакомый доктор и спрашивает:

– А что у нас больная так трясется? От страха?

– От холода, – с каким-то презрением говорит Ира. И я ей за это благодарна. Мне не страшно вовсе, хотя, может, это и ненормально. Я не больная. Мне немного голо и очень холодно. И это все.

– А вы, доктор, разденьтесь, – неожиданно предлагаю я и подмигиваю Ире.

– Если не боитесь, – смеется Ира.

Боковой доктор не ответил – он исчез. Раз – и испарился.

Из-под плеча выплыло Зеленое Облако – анестезиолог. Просит сесть и прогнуть поясницу – это такое у него желание с утра. Исполнять? Какое там – поясница ледяная, точнее, поясница улетела, теперь ее не поймать. Облако говорит:

– Не опускать плечи. Прижать подбородок к шее. Сидеть прямо. Прогнуть улетевшую поясницу.

Я, как червячок, пытаюсь что-то изобразить и еще стесняюсь, ловя улетающее желтое море. Зеленое Облако неожиданно улетучилось, я расслабляюсь и смотрю в окно – там дымная осенняя Москва, район Соколиной горы, большие серые дома, ожидающие зимы деревья, голые ветки, по которым прыгает моя улетевшая поясница. – Так, – Облако вернулось, повторяет свои задания и к ним прибавляет «наклониться вперед».

Я пытаюсь сделать: кручу головой в разные стороны, потом поддаюсь холоду. Просто ужасно, я вижу, как синеют торчащие из моря ноги. А поясница чирикает за окном.

– Прогни поясницу.

Глядя на законную поясницу, я что-то прогибаю, раз просят, но что – точно сказать невозможно.

– Это все? Ты чего? Прогибай поясницу!

– Я не могу, очень холодно. Ничего не чувствую, можно меня еще накрыть простыней?

– Не, это нельзя, не положено.

– А вернуть поясницу с веток?

– Ну, я не волшебник.

– Облако.

– Что?

– Зеленое.

Ира кивает: «Похож».

Облако молчит, прогибает вместо меня поясницу (а окно закрыто), про голову и все остальное я уже не помню, ничего не делаю, смотрю в окно и не понимаю: холодные у него руки или нет? Как такое может быть? Меня что-то клюет в спину.

– Ну что, больно?

– Нет.

– Ну вот видишь, я же обещал. Ложись. Сейчас почувствуешь тепло, мурашки, пощипывание.

– Тепло. Ура!

– О!

– А мурашек нет. А где же мурашки?

– Ну, нету, – говорит он весело.

Мне обидно. Это ведь мои мурашки – а нету: ни мурашек, ни исполнения желаний. Обман.

И, наконец, вторая половина бывшей меня исчезает, очень тепло и не трясет внизу, а сверху желтое море волнуется на все три счета. На левую руку надевают манжету, которая будет все время измерять давление, и просят ее не бояться, потому что манжета сама по себе сжимает руку. Волшебство.

– А это что у тебя? – Ира показывает на синяки под грудью. – Кардиограмму так сняли?

– Да. Сегодня утром.

– Ничего себе!

Ставит новую капельницу. Вспоминая свою первую кошку, которой делали наркоз перед стерилизацией, я из любо-

пытства шевелю пальцами ног. Они поддаются, еще секунду, еще-еще – у кошки вздрагивали уши, когда я к ним прикасалась.

Потом появляется Боковой доктор и поднимает простыню. Я ничего не чувствую, смотрю на часы справа, в потолок, по сторонам, голова болтается. Почти упираясь в окно, торчат мои ноги, а может, не мои. Я уже не знаю, мои ли это ноги, они не разговаривают больше со мной, зато хотя бы не улетели.

– Ну что, давай попробуй подвинуть ногу. Получается? – довольно спрашивает Зеленое Облако.

– Нет.

– Все, наркоз действует.

Вдалеке у окна я вдруг вижу еще одно медсестринское существо, которое раскрывает инструменты, но она так далека и неправдоподобна, что кажется мне фантомом, нечаянно выдуманным по ходу происходящего. У нее нет ни лица, ни имени, только танцующие над блестящими штучками руки.

Боковой доктор, придумавший себе, что я боюсь, двигает мою ногу. Я удивляюсь. Он двигает, а я нет. Привстаю посмотреть.

– Мы вам ставим мочевого катетер, – долетает ко мне из-под маски.

Может, и ставят, откуда мне знать? Там же теперь вообще ничего нет. Меня нет. И вообще я не знаю, о чем он: кто такой мочевого катетер – мне не понятно. Мне понятно, что Бо-

ковой доктор объясняет, что он делает. Хорошо бы не увлечься... Может быть, этот катер что-то страшное – я не хочу знать.

Ставят специальную рамку над животом, и я совсем теряю свои ноги, их уже и не видно.

Приходит Л. А. и прячется за рамку. За маску. Мне видны брови и смешной колпачок. Он отворачивается и надевает перчатки. Неожиданно все жалуются на перчатки, я тоже хочу на что-нибудь пожаловаться, но не могу придумать. Собственно, на что может жаловаться голая половина?

Без пяти одиннадцать.

– Подними голову, – говорит Зеленое Облако.

Он тоже, как фантом, появляется ниоткуда и исчезает. Я подозреваю, что и его я могла выдумать.

Поднимаю, там появляется белая загогулина, и голове удобно.

– Так лучше?

– Да, спасибо.

– На здоровье.

До операции еще несколько часов. Мне сделали какой-то укол. Во рту мгновенно пересохло. Я не знаю, что с этим делать. Я играю, язык к небу прилип, отлепляю. Выхожу в коридор, где бродят в дурацких разноцветных пижамах и халатах дети. Только одна девочка, совсем маленькая, хорошо одета – не по-больничному. Она не говорит по-русски

и все время плачет: «Папа, папа».

Потом я оказалась с ней в палате и ни разу не слышала, чтобы она звала маму. Ее папа был единственный, кому дочь вывели в коридор, нас к этим дверям вообще не подпускали.

Я подхожу к медсестре и прошу пить.

– Тебе нельзя, вернись в палату.

Сижусь в палате, играю прилипающим языком: цок-чпок. Неожиданно передо мной появляется стакан кефира.

– Пей аккуратно – он холодный, и быстро – чтобы врачи не увидели.

– Спасибо.

– Не за что.

Я пью, чтобы врачи не увидели, я очень послушная и счастливая.

Во рту очень пересохло – это атропин так действует. И рта нет почти. Облизываю губы. И думаю, как же разговаривать во время операции? Хотя мне Л. А. разрешил, еще в субботу, еще вне больницы.

Я люблю поболтать, но... не разговариваю с водителем, когда еду в такси. Опасно. У него в руках руль, я молчу и тайком слежу, чтобы он его не отпускал, пусть не отвлекается. И в парикмахерской молчу – у парикмахера в руках ножницы. Интересно, что в руках у Л. А.? Наверное, те блестящие штучки... может, и руль есть...

Слова улетели вслед за поясницей, кажется, в голове только белый потолок. Радио, правда, работает, но я ничего понять не могу. С другой стороны – что там с революцией в Африке? Спросить? Может, кто понимает? Лежу, голубоватая, на коричневом операционном столе и думаю, спросить ли мне про африканскую революцию? И о чем можно поговорить? Было бы желание.

Хочется согреться. Смотрю – над руками белые шнурочки из марли с бантиками. Не доверяют – привязали, точнее, зафиксировали, про ноги не знаю, когда я их теперь увижу? Ну их.

Медсестра Ира меняет пустую капельницу на полную и читает журнал! И не мерзнет! Везет. Им вообще всем хорошо, они работают, им интересно и не холодно. И плевать на Африку.

Операционная очень бедная. Это почему-то расстроило. Я-то ожидала плазму, где буду смотреть, что там делают в ноге, и как-то приятно проведу время. А тут кафель-рамка-потолок-давление-часы-потолок-кафель-смешнаяшапочка-брови-глаза-Л. А.-рамка-давление-потолок, а не плазма. А потом я узнала, что другим показывали, что у них вытащили, а мне почему-то не показали. Потому я бесцельно болтаюсь на столе первой своей половиной, смотрю, какое у меня давление, если жужжит манжета, и не боюсь – больше развлечься нечем.

Л. А. влез в мою ногу, и ему теперь точно не до меня и

африканской истории. Временами на меня смотрел Боковой доктор, так и подмывало показать ему язык или сказать, чтобы не отвлекался, если не намерен поговорить про Африку или желтое море.

– Ты как? – пробегает мимо Зеленое Облако.

Хорошо я. Ничего не видно и холодно. Может, про премьер-министра спросить? Вроде опять что-то неладно у него. Нет, все-таки как-то неловко в таком виде. Про погоду? Про погоду в таком виде можно, наверное. Когда-то я читала книжку по этикету, в ней было написано, что про погоду можно говорить в любом обществе. Обществе, которое на шестую часть состоит из голой половины Сегодняшней Вены... такого в книге не было. Про еду? У меня там котлеты под кроватью в рюкзаке лежат в полном одиночестве. Если скажу про котлеты? Нет, про мясо как-то неприятно, к тому же, могут неправильно оценить способ хранения. Потолок надо белить, а лучше разрисовать, а лучше расписать цитатами... или анекдотами. Про ремонт поговорить? Они и так меня ремонтируют. А при моей близорукости цитаты должны быть огромные, так что на два часа не хватит. Потолок не белим. Про детей! Нет... не пойдет... только что они обсудили, что не хотят принимать роды здесь. Ничего не видно. Окружающий мир то исчезает, то появляется. Невидимые голоса не хотят принимать роды, голоса говорят: «Пусть с акушерами приходят». Акушеры, вероятно, хотят принимать роды? А Зеленое Облако, Л. А. и остальные не хотят.

Родов, говорят, им только не хватает. Про роды не говорим. Зачем мне вообще разговаривать, голой и холодной?

Зато я вижу, как Л. А. о чем-то говорит Боковому по секрету. Ничего не слышно. Со мной что-то не так?

Неожиданно в руках Иры вместо журнала появляется какая-то штучка, которую она прикручивает к катетеру на сгибе локтя: прозрачная жидкость утекает в меня. Сказали, что могу заснуть, я корчу недовольную рожу, я-то спать не хочу, хочу все понимать, мне обещали!

– Сейчас может закружиться голова или захотеться спать, не сопротивляйся, спи.

Интересно. Как можно сопротивляться? Спросить? При оказании сопротивления голая половина Сегодняшней Вены... понесла частичные потери... потери... потерялась болтливость и сообразительность... или так – при оказании сопротивления больная причинила... причинила... окну в операционной замок, чтобы не вылетали поясницы. Замок до сих пор снять не удалось, заведующий операционным хозяйством возмущен... или... сопротивление было успешно подавлено оперативным вмешательством?.. Смотрю на часы и закрываю глаза.

Море наплывает на меня своей желтой простыней, кажется, что вокруг все соленое, и хочется от этого как-то сбежать, я слышу, как дышит Л. А., как ходит по берегу Зеленое Облако. Остров качается в мятом море и крепко держит меня –

вряд ли я вырвусь или утону. Слышу, как синица, ослепляя перьями, свистит мне:

– Тебе не повезло, мне повезло. Ты не вернешься, не вернешься на землю, я скую твою поясницу, все твои слова и твой рыбий хвост.

Открываю глаза и проверяю стрелки – десять минут прошло. Ладно, я в себе и все понимаю. Волосы мешают, руки привязаны. Попросить кого-нибудь? А как? Я забыла. – Надо повернуть больную – слышу я Л. А.

Больная – это кто?

Ира, чье имя имеет теперь другое значение в этой холодной синичной угрозе, не думает, что я больная, потому что говорит, откладывая журнал:

– Давай повернемся!

– Хорошо, а как?

Странная задача, хочу вам сказать, поворачиваться без себя самой. Но Ира знает, как, и говорит, куда плечо, куда руку. Мы с Ирой повернулись, а рыбий хвост? Повернули? Вероятно. И теперь я чувствую, точнее, понимаю: в ноге что-то двигается и подпрыгивает. Мне странно и противно. Как будто в меня попала рыба, как на крючок, и бьется там, пытаясь вырваться прочь. Губы стали солеными. Хорошо, если бы на моем месте оказалась синица, я бы заперла ее в операционной и посмотрела, как она превратится в рыбу.

Поворачивают обратно. Простыня сползла. Торчу сверху опять голая и еще более холодная. Ира ушла куда-то. Запла-

кать? Пробегает Зеленое Облако, натягивает на меня съехавшее море. Смотрю на часы. Смотрю свое давление – 110 на... и вдруг вижу, как медсестра-фантом пронесит мимо плотную сумасшедше-алую пеленку. Красиво. Яркое пятно проплывает мимо как время – мягко и неощутимо. Мне в целом непонятно, почему пеленка такая яркая и откуда она могла здесь появиться. Но она разбавила эту холодную белизну, и мне подумалось, что где-то может не хватить красной краски, и придется ждать несколько дней, чтобы в магазине появился нужный оттенок, а тут все плывет мимо. Даже ненавистный холод.

И еще, если отжать пару фламинго, можно, пожалуй, добиться такого приятного цвета, правда, фламинго придется до этого хорошо покормить красными креветками. Может, спросить, нет ли здесь фламинго?

В противоположной от пеленки стороне мне слышится: «Шьем?» А я думала, это выдумка, что так не говорят, и нечаянно отворачиваюсь от яркого теплого пятна, чтобы посмотреть, как, перешептываясь, склоняются близко к тому пространству меня, где чувствуется холод, Л. А. и Боковой доктор. Что-то делают, а я вспоминаю, как вчера подумала, что надо было пойти в парикмахерскую и побрить голову для гармонии.

– Время окончания операции? – спрашивает Ира.

– Тринадцать-десять.

– Кровопотеря?

– Полтора.

Интересно, сколько во мне литров, почему так мало потерялось? Полтора литра положительной крови стало потеряей. Когда можно будет ходить, я поищу или отожму пару фламинго. Наверное, в палате уже моя далианская подруга, вместе мы могли бы отжать штук шесть, а то и семь.

Рамку сняли. И вот я вижу вдалеке что-то синее. Оно там без меня... Что это может быть такое? Должно быть, это та, моя рыба половина. Где-то я видела такой же цвет. Точно! Такого же цвета в магазине торчат бока селедки из пластмассового бочонка. Интересно, я соленая? Селедкину ногу, которая кажется от меня далеко-далеко, красят в йод, получается неплохо, почти охра.

Приплывает стол для катания больных. Теперь, пожалуй, я похожа на больную.

– А где эластичные бинты? – спрашивает доктор-художник.

Я тоже про них забыла, точнее, я несколько раз хотела спросить, не надо ли брать их с собой, но решила, что медсестры бы сказали, они же лучше знают, вмешиваться в профессиональный процесс нехорошо, я и так от феназепама отказалась, потом я не успевала думать и открывать рот одновременно, остров наградил меня прекрасным состоянием светлого отупения, собственное отсутствие растеклось не только по телу, но проникло туда, где раньше жило мое я.

Л. А. сердится: бинтов нет, Зеленое Облако ушло, так что

мое прооперированное селедочно-русалочье тело перекладывать некому. А простыню отобрали, как будто я во всем виновата. Море желтым комком вздыхает где-то рядом.

– Давай, дорогая, как на пляже, переворачивайся на живот, – весело говорит Ира.

Ей виднее, где мы.

Я довольна: на пляже не была уже лет пять, а тут такая возможность. А как там будет переворачиваться моя селедка? Селедка на пляже!

Ира переносит капельницу на другую сторону и сначала просит перекинуть правую руку. Исчезает где-то за правым плечом море, исчезает потолок, под носом появляется белый песок, как на пляже, белый простынный песочек.

И я улетаю под потолок, я смотрю, как переворачивается моя светлая спина и селедочно-русалочий хвост, как проваливается несвободная поясница с белым пятном в центре, как взлетает и пенится простынь, пряча в свой пляжный день меня и селедку от яркого солнца.

– Все, – исчезая, говорит Ира, – теперь в палату, под три одеяла, греться, спать и кушать.

И я как на пляже. Стукаюсь в лифте бортом каталки – об дельфина, видимо. Хочется согнуться, но нечем. Стыдно, но в палате опять приходится так же плюхаться на кровать, «как на пляже». Чтобы не видеть себя и Л. А., я смотрю в потолок и считаю одеяла – одно, одно, одно. В итоге – одно. Л. А. возвращает мне пляжную простынь, накрывает одеялом

и поднимает край кровати, чтобы русалочки ноги тоже смотрели в потолок. Хочется вскочить и удрать.

«Греться, спать и кушать»... А на самом деле хочется: греться, трусы и посмеяться. Мне очень хочется посмеяться, потому что я вот-вот заплачу. Л. А. спрашивает про бинты. Я говорю – в тумбочке, хотя мне совсем не хочется разговаривать, селетки не разговаривают про бинты. Медсестра с веселой музыкой в кармане колет уколы старушкам. Л. А. ее ругает за бинты, она огрызается, говорит, что зайчиком прыгать не будет (а я бы попрыгала сейчас, но я без трусов и вообще без себя в принципе, так что на трусы плевать. У русалок и селеток нет трусов). Он просит помогать бинтовать – нужно держать ноги, я-то ни на что не годна. Я наблюдаю за происходящим с каким-то нездоровым удивлением, а, ну да – я ведь больная. Одежало отлетает. Селетки бинтуют. Правую селетку – двумя бинтами, левую – одним бинтом. Селетки теперь одеты в бинты, а я? Я тоже хочу во что-нибудь. Одежало одно. Трусов восемь. Бинтов три. Котлет две. Старушек три. Л. А. один. Меня ни одной.

– Когда движения появятся, – неожиданно сообщает Л. А., – можно будет передвинуться поудобней, а пока так полежите, – и ушел.

Честно сказать, я не знаю, как я «так» лежу. Я не чувствую ничего теми местами, которые знают обычно, как ты сел или как ты лег, поэтому я щупаю себя и кровать рукой, чтобы понять – лежу на самом краю. Ужас! Ну... если не буду смот-

реть вниз, не упаду, наверное. Упаду, скажу, что больная. Вы первые начали.

13:28, в палату с «ведром» воды, улыбаясь, входит моя далианская подруга, и я смеюсь – мне, оказывается, весело?

Исчезающие селетки

Подруга расставляет гостинцы и называет, что она принесла и куда ставит. Я старательно киваю, хотя ничего не могу запомнить – абсолютно светлое оупение. Почти счастье.

Я думаю о трусах и прошу надеть мне крестик и пижамную рубашку: она короткая и теплая, в ней есть смысл и можно припрятать первую половину, а припрятывать вторую нет смысла, там какой-то катетер торчит, о трусах можно только мечтать, я мечтательно протягиваю руки. – Подожди. Сначала голову, потом руки, – объясняет мне далианская подруга, всовывая меня в рубашку.

– Ты откуда знаешь? – восхищенно вопрошаю я.

– Я детей так своих одеваю.

Я посмеиваюсь над собой, исчезнувшая способность надевать рубашки смешит, но смеяться неудобно – чего-то не хватает.

В детской палате умеющие ходить устраивают игру в путаницу. Это ужасно весело, но правил я уже не помню. Меня только что отвязали от кровати после операции по удалению паховой грыжи. Это довольно унижительно, когда

тебе привязывают руки и ноги, и медсестра только после моего твердого заверения, что я не сорву повязку, освобождает меня и помогает надеть трусы и ночнушку. Я лежу и смотрю на эту путаницу. Девочки в разноцветных халатах держатся за руки, меняются местами. Я не выдерживаю и смеюсь. С другой стороны палаты тоже смеются. И это так смешно и больно! Больно! В паху жжжет и тянет! Мы стонем и орем от смеха и боли! У меня текут слезы – так смешно. Прибегает медсестра и все прекращает, потому что у нас могут разойтись швы. В палате двенадцать человек.

– Отодвинь меня как-нибудь от края, – прошу я.

Это очень важно, потому что я боюсь высоты, а кровать высокая. Лежать на краю кровати даже в полуселечном состоянии мне скверно, если бы не мысли о трусах, я бы подалась панике.

– Ок, погодь.

– А закрой мне ноги. Не могу на них смотреть.

– Ок, ща, – бежевые селетки исчезают.

Приходит Зеленое Облако и говорит, что нужно пить воду, не меньше двух литров, что где-то к четверем отойдет наркоз, и когда я почувствую боль, можно будет есть. Мне только боли не хватает... Я киваю, хотя в боль не верю. Он обещает зайти еще.

Боль я не почувствовала, наркоз отошел только после десяти вечера, было уже не до еды. Я гадала: болит или еще

нет? Точнее, я ожидала какую-то особенную боль, потому все, что приходило, казалось мне не похожим на настоящую боль, впрочем, с мурашками ведь тоже не вышло.

Котлеты вкусно пахнут, далианская подруга ест бутерброды, от меня котлетам все равно никакой пользы. Селедки спрятаны под бинтами и одеялом. Я пью воду. Есть не хочется, так хорошо и почти свободно, что еда не имеет никакого значения. Имеет значение время. Лежать нужно до утра. А утро осталось где-то там, на пляже.

Русалочьи дыры

Кровати здесь специальные: каким-то хитрым образом их можно поднять с двух сторон и из прямой кроватной линии сделать что-то вроде треугольника без верхней линии. Сам ты тоже становишься таким треугольником, но никуда не выпадаешь. Кажется, что ты занят йогой и представляешь собой довольно гибкий субъект. Моя кровать поднята только с одной стороны, поэтому кажется, что я в шезлонге просто задрала ноги и загораю.

В кровати обнаружилась дыра. Вчера ее не было, а теперь я лежу на кровати с дырой. Я пытаюсь сообразить, откуда бы ей взяться. Ничего предосудительного я пока не вытворяла. Но – голова, плечи, грудь с синяками и часть живота лежит на вчерашней кровати, а дальше ничего нет, ноги торчат, обозначая первую линию горизонта, вторая – белые

очертания кровати спинки.

– Слушай, посмотри, пожалуйста, под кровать, там дыры нет?

Далианская подруга с интересом лезет под кровать.

– Дыры нет.

– Нет? Точно?

– Точно.

– Ерунда какая, под кроватью дыры нет, а на кровати есть.

– Ты уверена?

– Да, я чувствую, дырявая кровать. А что там есть?

Подруга ныряет обратно.

– Мешочек такой и трубочка вон тянется к тебе.

– Это катетер. Он у меня из операционной. И все? Больше ничего?

– Сейчас еще раз проверю.

Подруга вернулась под кровать.

– Ну как? – еще от двери кричит Зеленое Облако и облокачивается на вторую линию горизонта.

Далианская подруга вылезла обратно.

– Что там у вас?

– Да вот, проверяем, дыра там в кровати. Ищем вот.

– Дыра? Дай-ка посмотрю.

Зеленое Облако отпустил горизонт и нырнул под кровать.

– Нет никакой дыры. Ты воду пьешь? Боль появилась? Голова не кружится? Не тошнит?

– Пью. Не тошнит, не кружится. Боли нет и некоторых

частей тела тоже пока нет, а ведь уже шестнадцать часов, – щипнув что-то для верного ответа, говорю я.

– Ну и хорошо, потом будут, – и, хихикая, исчез за дверью.

Ему смешно... пожалуй... говорящая селедка... Пожалуй, я понимаю, почему в кровати дыра.

– Слушай, вот почему дыра! – говорю я далианской подруге. – Там же ничего нет, все в наркозе! Это я не чувствую кровать, а не она меня.

Как-то беспокойно это полное отсутствие всего, что у меня раньше было. Русалочий хвост слишком синий и неподвижный. А раньше там были, я помню: ноги, ягодицы... я себя за что щипала? Будут ли они? Облако обещал, но мурашек-то не было... Поэтому я периодически проверяю подпоясничный отдел, а кто знает? Вдруг все упрыгало туда же, куда и поясница? Кто только учит такие наркозы делать?

– Слушай, а катетер? Что он делает?

Я пытаюсь посмотреть, что это такое, но мне удастся увидеть только прозрачную трубочку на кровати.

– Хочешь, я его сфоткаю?

– Давай!

Далианская подруга щелкает под кроватью.

– Забавный мешок. И прозрачный.

Я еще раз смотрю внимательно на трубочку.

– Смотри, я пью воду, а она течет в мешок прозрачная!

– Ага!

– Кому хороший анализ! Чистый, незамутненный!

– Десять рублей стакан!

– Стакан много, перебыются!

– Полстакана – тридцать рублей!

– А может, просто катетер неправильно работает? Где цвет? И вообще, кажется, он уже наполнился водой, я боюсь, вдруг лопнет? Вдруг он сломан? – осеняет меня ужасная догадка. Далианская подруга убегает за медсестрой. За окном синица крутит пером у левого виска. Я отворачиваюсь. Веселая медсестра объясняет, что с катетером все в порядке – работает. Это я, видимо, такая прозрачная стала. Время потекло медленней, но интересней, исключая беструсость и бестелесность. Я, наконец, шлю туповатые сообщения знакомым: «Жива, пью воду». Перепуганные получатели перезванивают, чтобы убедиться. Звоню своим – маме, моей младшей Сестре-Ангелу. Мама грустит, а у меня все еще липнут губы и щелкает язык, мешая как следует говорить, чтобы как-то ее утешить:

– Не беспокойся, здесь так интересно. Мама, из меня торчит настоящая трубочка, к которой прикреплен мешочек, в который стекает вода, которая не знает, куда пристроиться в отсутствующем подпоясничном отделе, который, наверное, тоже улетел еще в операционной, которая на седьмом этаже, который на пляже... Знаешь, а мы тут продаем анализы!

Приходит Л. А. Я смотрю на него, как на Полярную звезду, потому что он тоже стоит за горизонтом, светится и говорит:

– Ноги в коленях не сгибать, на бок не ложиться, вставать нельзя, катетер снимут завтра утром. Колено-стоп тянуть на себя! Голова не кружится? Не тошнит?

– Ага, – туплю я, пытаюсь отделить колени от стоп, стоп от себя, бок от катетера. Ложиться от нельзя.

Звезда покачнулась и уплыла.

– Что он сказал? Ноги нельзя отключать от катетера? А колени снимут завтра?

– Немного не так, – уточняет далианская подруга, – стопы нельзя поворачивать набок! А колено тянуть на катетер!

– Опа! Я так раньше не умела. Это вообще возможно проделать?

– Не знаю.

– Ты попробуй!

– Ща.

Далианская подруга встает со стула и машет руками. – Так на самолет похоже. Что там колени? Набок их реально завернуть?

– Кажется, нет.

– А тошнить зачем?

– Не знаю, еще кружиться, что еще было про кружиться!

– Танцы?

– Какие танцы, если колено – СТОП!

– Доктор! Доктор!

Нет ответа... рисовать ушел.

Мы с далианской подругой повторяем неоднословное за-

дание без всякой надежды. Понятно одно – до утра ничего нельзя. Без врача – ничего не трогать! Без ног – ничего не поворачивать! Пить воду и стекать в пакетик. За горизонтом ни Облачка, ни Звезды. Семь вечера.

Эта исключительная кучность нигде не записанного значения не дала мне спать ночью. Путем очень сложных риторических и логических ухищрений, загадочной работы мозга острова, нам удалось восстановить последовательность Звездного послания и записать его в блокнот: я как человек ответственный боялась сделать что-то не так.

Температура в девять вечера – тридцать семь и восемь.

Через час – тридцать семь и шесть.

Вчерашняя вена

Ночью, как только между криками и причитаниями ходячей под себя бабы Зины, проспавшей большую часть дня, я проваливалась в сон, мне казалось, что я несусь в какую-то земляную воронку (я слышала запах земли и видела ее – густую и черную), а ноги мои, напротив, несутся вверх, к Полярной звезде, и начинают дрожать и сгибаться. Я закричала и вылетела из воронки, достала телефон – спала десять минут. Я погрустила, попила воды и закрыла глаза, как там... нужно не феназепам, нужна простая техника медитации:

– Здравствуй, голова, ты теперь лежишь на острове, ты легкая и прозрачная. Здравствуйте, плечи, как вы? Я – голо-

ва, нам надо спать. Не забудьте оба – нельзя поворачивать меня на бок, сгибать ноги в коленях, особенно ту... здравствуй, моя левая нога.

– Здравствуй!

– Здравствуй, моя правая нога!

– Здравствуй, ты кто?

– Я???

– Я не твоя нога, я нога Л. А.

– Как так?

– А так.

– Нет, постой!

Я опять кричу и вываливаюсь из земляной воронки. Ночь сдвинулась к утру на пятнадцать минут. Теперь я боюсь спать. Больше не пытаюсь. Ноги сгибаются в коленях и дергают чем-то колким и горячим прямо в тот момент, когда я начинаю засыпать. Мне обидно и одиноко. Я зову на помощь Л. А. (а баба Зина зовет бога и маму), мне хочется, чтобы он как-то сообщил правой ноге, что она моя, и отрезал то, что колется, но его нет. Я вижу, как он дома, наконец, забыл о своем острове, и перестаю его звать, попрошу утром поговорить с ногой. Или просто феназепам на ночь?

Я слушаю через наушники «Шагреновую кожу» – можно загадывать желания. Мне бы хотелось, чтобы перестало быть так жарко. Я сбросила одеяло, осталась под пляжной простыней и моментально замерзла. Натянула одеяло обратно – жарко, нужно сбрасывать, прикладывать ко лбу холодную

бутылку с подоконника, чтобы он не горел. Хорошо, что мы разлили воду по маленьким емкостям и оставили их у оконной рамы. Тело никак не определится, приходится терпеть и ждать, пока все закончится. Ночь закончится, жар и холод.

А пока я не сгибаю ноги в коленях, не поворачиваюсь на бок, я тяну на себя голеностоп – надо как-то занять ночь.

Надо не сойти с ума, потому что очень хочется встать и походить. Так хочется выпрыгнуть из кровати, что становится больно. Где именно, я не понимаю. И хотя подо мной, наконец, исчезла кроватная дыра, я не могу понять свое русалочье тело. Я злюсь, что не могу спать, так бы ночь утекла побыстрее. Что такое привычное тело стало чужим и мучает меня своим нытьем. Я сдаюсь и временами сажусь на кровати, чтобы отдохнуть от боли, устать, взять воду, высмотреть в темноте синицу, не плакать, сбросить одеяло, накинуть одеяло, лечь виском на холодную бутылку и дожидаться утра.

В три часа я поняла, что умираю. Щупаю появившуюся себя – мочевой пузырь надувается, катетер не видно и повсюду больно. Промаявшись какое-то время (я не хочу никого будить, мне стыдно), я решаю напрячься, может, там в трубочке пробка, как в батареях – но я теперь все чувствую, и я понимаю, что простынь влажная. Я думаю. Наверное, нужно позвать медсестру. Там, на стене, такая смешная штучка с надписью на английском языке. Я знаю, как по-английски медсестра. А вот старушки? Я оглядываюсь и вижу, что кровать почему-то отодвинута от стены. Дотянуться до смеш-

ной штучки нереально. Как теперь быть? Буду ждать утра. Я опускаюсь и вытягиваюсь на кровати – больно. Можно было бы потерпеть, встать утром и пойти в туалет (или встать сейчас?). Под рукой ноет и надувается. Путем каких-то странных самоуговоров я наконец решаюсь и смотрю в противоположную сторону, там, у стены, – Вера Ивановна, она не спит, я чувствую.

Она зовет сестер. Утро покачнулось и упало за горизонт, для него еще рано, а мне сняли катетер. Под меня стелют пеленку. Встать не разрешили.

Я лежу с повязкой на глазах. Мне ничего не видно. Спрашиваю, когда снимут повязку. Утром. А как жить до утра? Мне говорят, что если я буду трогать руками повязку, меня привяжут. Плакать нельзя. Вставать нельзя. Я не понимаю, как ходить в туалет. В послеоперационной палате шесть человек. Всех сегодня прооперировали. Среди нас – мама с восьмимесячным ребенком. Она за нами ухаживает. Подходит ко мне.

– Ты в туалет не хочешь?

– Нет.

Но я хочу. Как же это сделать, если нельзя вставать?

Наступает ночь. Я слышу, как все засыпают. Они спят! Стонет какая-то девочка. Включают свет. Я спрашиваю:

– Свет включили?

– Да, – отвечает кто-то, – она в туалет ходила?

– Нет, – отвечает мама младенца.

– А выключите свет – тяжело со светом, – прошу я.

– Сейчас укол сделаем и выключим, – отвечает кто-то.

Свет выключают, стонавшая девочка умолкает.

Я хочу в туалет.

– А до утра далеко? Сколько времени?

– Два часа, а утро в восемь, – говорит мама ребенка, – ты в туалет хочешь?

Я молчу. Чужая мама мне объясняет, что принесет какую-то утку, что это не стыдно. Я не верю, я не хочу утку, я хочу встать и пойти сама. Под меня всовывается что-то холодное.

– Не надо.

Чужая мама уговаривает меня не терпеть. Плакать нельзя. Спать невозможно. Каждый час я ее бужу, чтобы узнать сколько времени. До сих пор не понимаю, как спали мои соседки с заклепанными повязкой глазами.

Без катетера – нет части боли и нет несвободы. Но теперь мне стыдно и обидно, потому что я привыкла быть сильной. И я злюсь и плачу.

Селедкино счастье

Ночью не спала.

06:30, я все плачу.

Входят медсестры делать уколы. Я прошу пустырник, но в этом отделении таких препаратов нет. Медсестра с музыкой в кармане меня успокаивает, хотя часов двенадцать назад говорила бабе Зине, что она вредная и никого здесь утешать не собирается:

– А хотите, я вам так настроение подниму? Смотрите, у вас все ножки до потолка!

Это утешает, потому что правда, абсолютно все – до потолка, не дотянешься. Уговаривают не думать ни про катетер, ни про судно – на острове полно таких вещей, они не важны. Важно, чтобы температура не была 38. Потому что тогда будут колоть анальгин с димедролом – а я не хочу лишних лекарств и молчу, прячу градусник в тумбочку.

Свет выключают. Я пытаюсь спать и не двигать ногами. Утром спать как-то уже не страшно, я больше не думаю про земляную воронку, я говорю своей голове «привет», и она выбрасывает меня в потрясающее место – салон бижутерии моей однокурсницы Авроры, Париж в районе Курского вокзала, шоу-рум, в нем колышется занавеска и улыбаются удивительные узоры, оттуда прямо через чудесное окно я проваливаюсь в большое белое облако, мне тепло. Вот проснусь, позвоню маме, попрошу пустырник на остров. А пока растворюсь в облаке, исчезну отсюда. Что-то скребет меня по плечу, мне не хочется вываливаться из облака и просыпаться, но мне любопытно, светло и немного щекотно.

Я поворачиваюсь посмотреть, кто меня поскреб, – это Л.

А. пришел и меряет давление – можно в космос, потому что

120. А потом ныряет под одеяло, выныривает и спрашивает:

– Катетер сняли уже? Голова не кружится? Не тошнит?

– Он сам снялся, – огорчаясь, что спала пятнадцать минут, механически говорю я.

– Как это?

– Не знаю, ночью целая история была (мне кажется, что не со мной, и я не хочу точно вспоминать, что случилось).

Сдвинулся, наверное, все полилось мимо (неужели сказала? А стесняться? Блин!), сестры сняли.

– А температура?

– Тридцать семь и шесть.

– Это нормально после такой сложной операции.

Я согласна. Мне безразлично, какая температура, мне нужны духи, трусы, зубная щетка и походить, а лучше попрыгать до потолка. А лучше бегать по лестницам или оказаться в Михайловском саду.

– А как вы спали?

– ...Плохо, бабушка все время стонала, – я не уверена, что нужно рассказывать про яму, про ногу, отказавшуюся от меня, и признаваться, что не спала...

Хочу опять заплакать, но стесняюсь и молчу.

– Ясно. Так давайте вставать.

– Что??

Там, у потолка, русалочки ноги будут меня слушать? Там одна нога моя, а вторая нет.

Я не двигаюсь. Точнее, я посылаю ногам сигнал, но ни та, ни другая не реагируют.

– Ой-й-й-й-й...

– У вас и здоровая нога затекла, – рассуждает Л. А. (неправильно лежала? зря старалась?), подавая мне ноги по очереди.

Ясное дело – его ноги, потому и слушаются. Я сижу. Внизу висят две штучки в бинтах. Левую ногу я беру обратно, шевелю пальцами, она поддается. Л. А. машет рукой туда-сюда и что-то мне объясняет. Я ничего не понимаю, я смотрю на тумбочку, где прячутся трусы, и кусаю губы – духи забыла дома.

– Ходить только по палате, до туалета и обратно. Сейчас позовем вас на перевязку.

– Сейчас?

– Ну да. Я зайду.

Вот это счастье, дорогие бежевые селетки! Ходить по Михайловскому саду! Отвести вас?

С помощью забавных выкрутасов на мне наконец появились шелковистые, прекрасные черные трусы. Я успокоилась. Я смотрю в окно – синица смотрит на меня. Я подмигиваю: «Балда, ты меня плохо знаешь».

По четвергам больно, но приятно

Тащусь по палате к умывальнику. Ноги тащатся за мной.

Я смотрю в зеркало.

Эт-т-та что??? Только не надо говорить, что это тоже нормально после такой сложной операции. Я оглядываюсь, си-ница сидит на березе и смеется. Мне тоже смешно. Я похожа на выжатого фламинго. А Л. А. не смеялся. Цари не смеются. А я глотаю пасту от смеха и икаю.

Меня окружают ходячие старушки, предлагают палку, сочувствуют. Выжатым фламинго, пожалуй, можно сочувствовать. На все мои неудачные попытки надеть классные фиолетовые брюки (нога как-то не того, не поднимается, пользоваться ею без Л. А. я боюсь) мне говорят, что нужен халат. Халата у меня нет. Халаты всегда путаются под ногами, в них всегда нелепый вид – то ли ты больной, то ли из бани, то ли не знаешь, что это халат. Не люблю я их в принципе. Есть один – и тот мамин, но в рюкзак он уже не влез, а здесь говорят, надо – снял-надел. Ищут сестру-хозяйку. Кстати, тут выдают во временное пользование халаты, ночные рубашки, станки бритвенные, белье постельное, еду, лекарства, медсестер и врачей.

Сестра-хозяйка занята. Пока затеялась история с палками и халатом, я едва успела причесаться. Приходит перевязочная медсестра – зовет. Я не знаю, что придумать лучше, не в трусах же вылетать в коридор – заворачиваюсь в простыню. Симпатичную мягкую простыню, выданную на пляже в операционной, спрятавшую меня от холода. Теперь это юбка. В таком дурацком виде я хожу по коридору – жду перевязки

и хихикаю.

Санитарка говорит сестрам:

– Ой, надо дать халат девчонке, а то в чем она ходит.

– Ходить нельзя, – пролетает мимо Л. А.

– Да ладно, – говорю я (меня тошнит от мысли про казенный халат), – мне привезут халат. Я позвоню.

– Когда это еще, а сейчас? Я попрошу, не волнуйся.

– Мне бы белье перестелить.

– Я скажу, не волнуйся.

Я смотрю на ограду Михайловского сада, но меня зовут, и я иду в перевязочную. Мне страшно. Просто ужасно. Юбку кладу под голову и ложусь на перевязочный стол.

Мне снимают повязку с глаз в перевязочной. Меня привели за руку и посадили на стул. Снимают бинт. Возможно, я больше ничего не вижу, только чувствую, что светло и много народа. Отлепляют пластырь. Меня трясет.

– Открывай глаза.

А это невозможно! Невозможно, потому что я не помню, как это делать.

– Открывай глаза. Давай, открывай глаза.

Я чувствую липкость и боль. Я пытаюсь. Я дергаю веки, но затихаю, потому что больно.

– Так! Открывай глаза!

Мне кричат. Я пытаюсь. Я начинаю тихо подстанывать и снова дергаю веки куда-то наверх.

– Быстро открывай глаза, давай! Ты что, не слышишь, что тебе говорят?

Я мотаю головой и получаю пощечину. Мне не больно. Открывая глаза, дети орут. Я сидела в очереди, я слышала, но не понимала, почему. Я молчу. Я открываю.

– Плакать нельзя!

Я знаю, нигде никогда плакать нельзя. Но я вижу. Я вижу много людей в халатах. Все белые. Почему их много? Все смотрят. Потом задирают мне голову и вытирают салфеткой липкость. Я держусь за стул и молчу. Капают и делают укол куда-то возле глаза.

– Теперь нужно ходить по коридору. Голову не поворачивать. Смотреть пока только прямо.

– Спасибо.

Приходит Л. А., обмотавшие селедки бинты начинают ускользать, я привстаю, чтобы посмотреть, что там, под бинтами? Селедки или ноги?

– Ложитесь, вставать не надо, – командует Л. А., поблескивая кривыми ножницами. Я такие знаю, много раз видела, ими разрезают бинты.

Я ложусь. Я говорю себе, что не страшно, что больно не будет. Просто не может быть. Даже если будет, я орать не стану.

– Ой, кусок кожи прилип, – сообщает медсестра и ловко отдирает ее.

Я начинаю вопить неожиданно для самой себя – больно, и я жду продолжения. Медсестра не реагирует – она танцует, накладывая мокрые тряпочки, Л. А. удивленно приподнял брови над маской, но не возражает.

Можно повопить? Что, не сердятся? И бить не будут? Хорошо. Синице не скажу, она – дура. Какое счастье!

– Ууууфффоййй!!!

– Ой, вы нас пугаете, – шутит Л. А. и пытается мне рассказать, что у меня оказался очень сложный варикоз.

Я успеваю и вопить, и слушать.

– У вас такой сложный варикоз оказался, но мы, хирурги, справились.

Он скромничает: из хирургов в операционной он был один (Боковой доктор, думавший, что я боюсь, получает за это красную карточку). Хотя... Царь... Мы... вполне... мы художники такие скромные...

– Ууууфффойййй!!!

А я не фокусирую, я воплю, что-то жжет и тянет, как будто утюг горячий держат. А я ненавижу гладить! И вообще, я боюсь. У меня сейчас ребра лопнут от страха, а когда кричишь – отвлекаешься.

Я закрываю лицо руками – это не я. Можно вопить. Я-то сильная и воплю редко, и мне стыдно, но больно и хочется вопить – это приятно, и никто не ругает, поэтому я прячусь – нет меня.

– Все. Вставайте.

Я затыкаюсь и встаю, пусть только попробуют новые ноги не встать.

Л. А. говорит мне, что нужно наступать на полную ступню. А я говорю себе: нужно поскорее смыться из перевязочной, потому что больно. И ухожу не своей ногой, в которой что-то жжет, завернувшись в простынную юбку.

Моя двести десятая палата – напротив перевязочной, я уже тяну руку к дверной ручке, чтобы спрятаться, но вдруг вижу, что в коридоре на меня уважительно смотрят больные в халатах. Аха! Надо было вопить громче! О чем-то надо же будет с ними говорить! Это Л. А. знает правду:

– Первая перевязка неприятная.

И я знаю, а им ни к чему. Л. А. – не выдаст. Цари не болтают секретов.

– Здравствуйте, – говорю я всем сразу и улыбаюсь.

– Больно, да?

– Да, – улыбаюсь я и печально киваю головой, изображая посттравматическую скорбь.

Мне открывают дверь в палату. Я вешаю юбку, забираюсь на кровать и смотрю на синицу.

– Не больно!

– Правда?

– Правда. Буду есть, и пить надо.

– Правда-врун-чик-чик-чик. Я слышала.

– У тебя таких ушей нет, – показываю я синице язык, она обиженно отворачивается.

Я снимаю с подоконника холодную воду и йогурт со смешной крышкой, в которой прыгают хлопья. Лежу и улыбаюсь.

Приходит Зеленое Облако.

– Ну что? Ты как? Ничего не беспокоит?

Меня? Беспокоит, конечно. Я вообще беспокойная.

– Нет, если вы про «не тошнит ли?» или что-то вроде, то нет, все хорошо. Воду пью.

– Ну и хорошо, – исчезая, говорит Зеленое Облако.

Звоню маме: мне нужно пустырник, халат и чай в термосе. Здесь чай гадкий – я уже вылила в раковину, чтобы не тошнило.

Стало скучно, я встала, чтобы подвигаться и привести себя в состояние – ну хотя бы моей веселой синицы. И надо дойти до туалета. Он в конце коридора – это целая аллея!

Охая, выполняя какие-то упрямые загадочные движения, я, под неодобрение своих старушек, натянула брюки, достала вторую резинку для волос и, сделав два хвоста, поковыляла в туалет.

– О! – говорит санитарка. – Красивая какая, а костюм! И хвостики сделала!

В туалете было хорошо. Холодно. Самостоятельно. А ведь мы не ценим, что умеем сами ходить в туалет. Хоть ноги всем временно поотрывай! Мы еще не знаем, что свобода передвижения не у всех бывает навсегда. Баба Зина сейчас абсолютно не свободна. А я свободна, я уже хожу. «Славься, славься, русский царь... больно, блин!» – громко пою я в

туалете.

На обратном пути я беру себе свежую простыню, перестилаю кровать, ощущая, как приятно двигаться, как просыпаются спина и плечи, как легко я все сбрасываю и переворачиваю матрас – я сильная. Ночную пеленку с простыней несу в санитарную комнату – у меня уважительная причина, чтобы еще походить. Можно еще ходить по палате, хочется музыки и танцев (Л. А. же не знает, как я могу ходить по палате).

Потом стою перед зеркалом, переплетаюсь в косы. Мне тридцать семь лет, я плету себе две косички, в больнице можно. В больнице это удобно, заплелся и лежи на подушке – ничего не мешает. И всем плевать.

Я читаю. Спать не хочется. Есть не хочется. Утро прошло. На пляже хорошо, но жарко.

Когда больно

Далианская подруга наводит на острове порядок: придвигает кровать к стенке, выравнивает тумбочку. Достает из сумки заказанное большое махровое полотенце и что-то еще... ох (руккола пахнет!) вкусную еду. Я почти забыла про еду, но запах свежей травы и зеленый цвет привлекают. И мы едим. Синица все еще обиженно фыркает, мне не удастся познакомить ее с далианской подругой. И мы говорим о еде и трудностях перевода с итальянского языка. Так есть гораздо вкуснее. Я жалуясь на утро, на ночь, на боль, на синицу, ко-

торая дразнится. Мне нужно поболтать – два часа молчать на операции – трагедия, настоящий стресс. – Ага, они такие, – говорит далианская подруга.

– Еще врет мне, что слышала, а самой там вообще не было.

– Маленькая, а не стыдно! Тебе не стыдно? – кричит в окно далианская подруга, размахивая фокаччей.

– Не оборачивается.

– Стыдно, наверное.

– С тобой так никто дружить не будет! Дразнить людей нехорошо.

– Да, верю, я верю, – чирикает синица, – дайте мне эту штуку с помидоркой.

– Сначала повтори.

– Было не больно – верещит синица.

Далианская подруга открывает фрамугу и пуляет туда маленький кусок итальянской лепешки с помидором. Синица ловит и прячется от нас в ветках березы.

– Поверила... безмозглая.

Входит Л. А. От неожиданности мы замираем с открытыми ртами, хорошо только синице – она спокойно ест свой кусок. Л. А. говорит, что можно спать на боку!!! О, спать на боку!!! Офигеть! Какой он добрый!

– Добрым людям в мире трудно.

– Да, – говорит моя далианская подруга, – им все время приходится быть еще добрее, чем раньше.

– Да, раньше мне можно было лежать только на спине, а

теперь – кучу всего: ходить в туалет, спать на боку.

– Точно. Завтра тебе еще что-нибудь разрешат.

– Я могу в космос.

– Точно?

– Да, у меня давление позволяет. К тому же, там невесомость, и можно спать даже на животе без спроса!

– Вот видишь, ты уже злоупотребляешь добротой врача.

– Да... но что-то же надо здесь делать.

Потом приезжает мама с халатом – бестолковая вещь, пригодилась только как одеяло, когда я замерзала, зато она привезла пустырник и чай. Пустырник был выпит немедленно. Синица с интересом посмотрела на меня.

– Я переживаю! – оправдалась я.

– Ты – больная.

– Опять?

– Не-не! Я так, пошутила. И мне оставь.

– Кто больной тут, непонятно, – размачивая хлеб в пустырнике, бурчу я.

– У доктора спроси, он точно знает. У него записано.

– Тут много чего записано.

На мою фамилию добрый Л. А. выдал пропуск «для ухода и кормления за больным». Так и написано «кормления за больным». Нарушать нельзя, раз Царь так написал. Все, что не доел больной, должен за ним съесть посетитель. Если посетитель нечаянно пришел голодным, он должен терпеливо ждать и вперед больного с тарелки еду не хватать. Царские

правила не обсуждают – и то и другое обязательно.

А в туалете, на столбе, да что там столб – античная колонна! – так вот, на колонне висит объявление: «Большая просьба не писать мимо унитаза». Эта прекрасная записка насмешила в дооперационный день, зато сегодня я поняла, что это не так уж и просто – «не писать мимо унитаза». Тот, кто писАл (не путать со словом в надписи), знал, что имел в виду. Сделать это практически не представляется возможным. Сесть больно, висеть невозможно, а не писать мимо надо, просят же. Тут я подумала, как хорошо мужикам, разлетающимся от туалета при моем появлении (видимо, зеркало врет – я еще пугаю людей), не надо заморачиваться. Не висишь, не сидишь, можно не писать мимо. Если бы я знала, перед больницей научилась бы чему-нибудь полезному, приобрела бы пару приемов, чтобы легко выполнять все предписания и надписи на больничных колоннах. Кто ж знал? Я-то думала, что вскочу и стану бегать, как до островного пляжа.

При ходьбе в ноге страшно, а главное, неприятно неожиданно жжет, я ругаюсь одним неприличным словом (очень тихо, здесь ведь все стерильно) и пишу. А что делать? Так должно быть. Если я слышу от Л. А. – так должно быть, – успокаиваюсь и не понимаю, почему других это раздражает.

– У врачей на все один ответ: «Так и должно быть», – сидит дама в коридоре, – а что должно? Что я должна так ходить, когда все болит?

У меня не все болит, а главное – болит, «как должно быть». Я не вмешиваюсь в коридорный диспут – больным невозможно объяснить, что если врач говорит «так должно», значит, должно. А вот когда он задумается и шепнет... ну, так не должно быть... вот что бы сказали эти тетки?

– Они были бы счастливы, – чирикает синица, – это ты всем веришь.

– Уйди.

– Ты с кем говоришь? – удивляется Зеленое Облако, зацепившись за вторую линию горизонта.

– С синицей. Вон она.

– Ну... на березе... вижу... И что?

– Так должно быть.

– Ну... смотри... воду пей. А голова?

– Моя на месте.

Зеленое Облако подозрительно посмотрел на синицу и вышел, по-птичьи размахивая руками.

Далианская подруга уже на лекциях, мама – где-то в транспортной пробке. Я хожу по коридору. Остров незаметно проваливается в режим вечерних процедур.

Старушка Недовольной Дочери советует его соблюдать. Она не знает, что из-за этого я плохо сплю. Спать с 22 до 7 утра – нереально. Да еще безо всякой объективной нагрузки.

– Вам обезболивающее колоть? – спрашивает медсестра, перебирая красивыми пальцами в перчатках шприцы с бесцветной жидкостью, словно бусы. – А то Л. А. предупредил,

что вы не жалуетесь, а терпите.

– Когда больно, колют укол, и ничего ночью не болит, – узнав, что ночью ноги дергало, очень строго говорит Л. А., пугая меня новой интонацией.

Было не больно, просто плохо, и ноги улетали. А вообще-то, я не знала, мне никто не предлагал, в блокноте не было записано, мне и в голову не пришло, что существуют такие уколы – раз не озвучили, значит, их нет. Чувствуя себя тупой и виноватой, я молчу и обиженно надуваю щеки: больше ничего не скажу.

– Нет. Мне не больно. Если что, я приду на пост.

– Померили температуру?

– Да, – смотрю на градусник, – семьдесят три и два.

– Ну и ну! – смеемся мы с медсестрой.

– Перемерьте через час. И жалуйтесь на боль. Здесь можно.

– Хорошо.

Температура тридцать семь и два.

Руки пианиста

Мне приснился Санкт-Петербург и место, которого там нет. Странная набережная в Царском селе. Там были море и Нева одновременно. Высоко на пристани стоит мокрый Иса-

акиевский собор, но с колоннадой Казанского. Чтобы дойти до него, нужно подняться, а потом спуститься по огромной лестнице. Там, где заканчивается лестница, начинается море, и можно войти в собор. И вот я иду туда и почти уже подхожу к большой открытой двери, но мне кричат, что я опаздываю на экскурсию и должна вернуться. Я возвращаюсь, а потом потихоньку иду обратно и снова поднимаюсь. Я смотрю, как море и Нева наплывают на собор почти с неба, и от этой воды он становится еще более мокрый, и мне очень хорошо, хотя я понимаю, что такого места в этом городе, а тем более в Царском Селе, нет, но не верю в это – потому что на свете может быть все что угодно.

Смотрю на телефон. Спала два часа. Очень жарко. Противно и беспокойно. Мне захотелось под прохладный душ, но пока нельзя.

Вышла в коридор. Там потрясающе тихо и красиво – абсолютно подводная загадочная атмосфера. Ты покачиваешься, словно лодка, ты вдыхаешь этот ночной свободный воздух возле больничного сада и смотришь на соседние горящие окна – там кто-то не спит. Есть ли у него такой чудесный коридор, в котором можно превратиться в лодку? Если нет – это плохо. Разве сам придумаешь стать лодкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.